

КРАТКИЙ ОБЗОР

ХРУПКАЯ СИЛА МИГРАЦИИ:

потребности и права женщин и девочек Республики Таджикистан
и Кыргызской Республики, затронутых трудовой миграцией 2018

Правительство США

Международная организация по миграции (ИОМ)
Агентство ООН по миграции

Краткий обзор: «ХРУПКАЯ СИЛА МИГРАЦИИ: потребности и права женщин и девочек Республики Таджикистан и Кыргызской Республики, затронутых трудовой миграцией», 2018.

Исследование потребностей и прав затронутых миграцией женщин и девочек из Таджикистана и Кыргызстана был подготовлен группой экспертов ПИЛ Ресерч Компани при поддержке миссий МОМ в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Миссия МОМ в Казахстане, Субрегиональный координационный офис МОМ по Центральной Азии (МОМ ЦА) – осуществляла общее руководство и координацию проекта.

Исследование осуществлено в рамках проекта МОМ «Реагирование на миграционные потоки путем наращивания потенциала в Центральной Азии», Фаза IV, финансируемого Бюро по делам народонаселения, беженцев и миграции Правительства США (БНБМ-НММ США).

В своей деятельности МОМ всецело придерживается принципа, согласно которому гуманная и упорядоченная миграция должна приносить пользу мигрантам и обществу. Будучи межправительственной организацией, МОМ работает вместе со своими партнерами в международном сообществе в целях решения оперативных задач в области миграции, содействия пониманию вопросов, связанных с миграцией, стимулирования социально-экономического развития через миграцию и защиты человеческого достоинства и благосостояния мигрантов.

Издатель: Международная организация по миграции (МОМ), Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии, Казахстан. Эл. почта: iomalmaty@iom.int.

© Международная организация по миграции (МОМ), 2018

Фотография на обложке: Эльор Нематов.

Все права защищены. Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена, сохранена в информационно-поисковых системах или передана в любой форме или любыми средствами, будь то электронными, механическими, с помощью фотокопирования, звукозаписи или любыми иными способами, без предварительного письменного разрешения издателя.

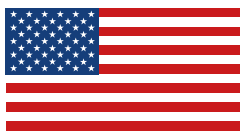
Представленные в данном отчете результаты исследования, толкования и выводы не обязательно отражают точку зрения МОМ.

КРАТКИЙ ОБЗОР

ХРУПКАЯ СИЛА МИГРАЦИИ:

потребности и права женщин и девочек Республики Таджикистан
и Кыргызской Республики, затронутых трудовой миграцией 2018

Правительство США

Международная организация по миграции (ИОМ)
Агентство ООН по миграции

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Авторы выражают глубокую признательность всем, благодаря кому стало возможным создание этого отчета. Прежде всего, мы благодарим партнеров из органов государственной власти Кыргызстана и Таджикистана за их поддержку в сборе и анализе полевых данных этого независимого исследования. Перед началом исследования экспертная команда имела возможность обсудить и валидировать методологию, подходы и инструменты исследования с должностными лицами соответствующих государственных органов Кыргызстана и Таджикистана, партнерами из организаций гражданского общества и экспертами по вопросам миграции. Мы также благодарим представителей государственных органов, неправительственного сектора и других партнеров по развитию из всех вовлеченных стран, которые активно участвовали в обсуждениях выводов и рекомендаций исследования в рамках семинара по валидации выводов исследования, состоявшегося в июле 2018 года в городе Душанбе, Таджикистан.

Отчет подготовлен ведущим автором Гульнарой Ибраевой и Гульфией Абдуллаевой в сотрудничестве с коллективом экспертов, в состав которого вошли: Мехригуль Аблезова (Кыргызстан), Гульнора Бекназарова (Таджикистан).

Наша искренняя признательность профессору Университета Манчестер (Великобритания) Мадлен Ривз за бесценный вклад в исследование и поддержку во всех методологических обсуждениях. Мы благодарим за вклад и поддержку д-ра наук Дамиру Уметбаеву, которая была основным двигателем всего исследовательского проекта. Наша особая благодарность – Наргис Азизовой, Программному специалисту Регионального отделения Структуры «ООН-женщины» для государств Европы и Центральной Азии и Анаре Молдошевой, эксперту из Кыргызстана – за ценные комментарии и поддержку в написании отчета. Мы также глубоко признательны группе полевых исследователей в Кыргызстане и Таджикистане, которыми была проведена колоссальная работа и сделан огромный вклад в этот исследовательский проект. Авторы выражают признательность за коллективный труд переводчику и редактору английской версии отчета Мэтью Науманну (Великобритания) и редактору русской версии отчета Марии Озмитель (Кыргызстан).

Наконец, мы хотели бы поблагодарить миссии МОМ и Структуру «ООН-женщины» за оказанное содействие в реализации проекта, предоставленную редакторскую поддержку, логистическое обеспечение и финансирование семинара по валидации результатов исследования: Субрегиональное координационное бюро МОМ для Центральной Азии: Дамира Уметбаева, Светлана Жасымбекова, Алия Кожаметова и Фаридун Икромов; Региональное отделение структуры «ООН-женщины» для государств Европы и Центральной Азии, а также офис «ООН-женщины» в Таджикистане: Наргис Азизова, Вилюят Мирзоева, Диана Исмаилова и Бону Шамбизода; МОМ Кыргызстан: Бермет Молдобаева, Нурбек Омуров и Салават Бактыбек кызы; МОМ Таджикистан: Бахром Рахматжонов, Азиза Синдарова, Мохира Файзуллоева, Гульчехра Ибрагимова и Зебигуль Шехова; МОМ Узбекистан: Санжарбек Тошбаев; Региональное бюро МОМ для Юго-Восточной Европы, Центральной Европы и Центральной Азии, Вена: Таня Дедович и Майкл Ньюсон; Штаб-квартира МОМ в Женеве, Координационный отдел по гендеру: Ли Кантоул.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Выражение признательности.....	2
Используемые аббревиатуры и сокращения.....	4
Введение.....	5
Цель исследовательского проекта.....	5
Методология исследования.....	6
Методы исследования.....	6
Ограничения исследования:.....	7
Глава 1. Статус женщин и девочек в семье и обществе в РТ и КР: тренды изменений и проблемы.....	8
Документирование детей и женщин.....	8
Отсутствие финансовых возможностей.....	9
Бюрократические проволочки или нормативные требования ...	10
Неосведомленность о получении услуги.....	12
Гендерные различия и специфика.....	12
Негативные стимулы для документирования.....	13
Браки и брачные стратегии. Семейные отношения и разводы.	13
Насилие в семьях.....	18
Тренды (ре)интеграции.....	22
Глава 2. Влияние системы инфраструктур миграции на траектории судеб женщин и девочек из РТ и КР, затронутых миграцией.....	25
Траектория судьбы мигрантки: предопределено инфраструктурами или определено самим человеком?.....	25
Этнические сети как компонент инфраструктуры миграции и социального капитала.....	30
Доверие и социальный капитал мигрантов. Трансформации доверия в миграционных сетях.....	34
Выводы исследования.....	37
Выводы об актуальном статусе женщин и девочек в семье и обществе в РТ и КР, влияющем на их миграционные стратегии и потребности.....	37
Выводы об уязвимости и потребностях женщин и девочек, затронутых миграцией.....	38
Подготовка к миграции, мотивация и отъезд.....	38
Жизнь в миграции.....	38
Возвращение и реинтеграция.....	39
Рекомендации исследования.....	40

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ:

АБР	Азиатский Банк Развития
ВВП	Внутренний валовый продукт
ВИЧ	Вирус иммунодефицита человека
ГБАО	Горно-Бадахшанская автономная область (Таджикистан)
ГИБДД	Государственная инспекция безопасности дорожного движения
ГРС	Государственная регистрационная служба
ГУВМ	Главное управление по вопросам миграции
ГСМ	Государственная служба миграции
ДМС	Добровольное медицинское страхование
ДОО	Дошкольные образовательные организации
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕС	Европейский союз
ЗАГС	Запись актов гражданского состояния
ИГ	Исламское Государство
ИКТ	Информационно коммуникационные технологии
ИКЦ	Информационно-консультационный центр при ГСМ
КР	Кыргызская Республика
КФХ	Крестьянское Фермерское Хозяйство
МВД	Министерство внутренних дел
Минобр	Министерство образования
Минздрав	Министерство здравоохранения
ММЦ	Многофункциональный миграционный центр
МОМ	Международная организация по миграции
НБ РТ	Национальный банк Таджикистана
НПА	Нормативно правовой акт
НПО	Неправительственная организация
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОВД	Органы внутренних дел
ОМСУ	Органы местного самоуправления
ОРТ	Общереспубликанское тестирование
ПИН	Персональный Идентификационный номер
ПМЖ	Постоянное место жительства
РК	Республика Казахстан
РРП	Районы республиканского подчинения
РТ	Республика Таджикистана
РФ	Российская Федерация
РУз	Республика Узбекистан
СК	Социальный Капитал
СМИ	Средства массовой информации
СНГ	Содружество независимых государств
СПИД	Синдром приобретённого иммунодефицита
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединенные Штаты Америки
ФАП	Фельдшерско-акушерский пункт
ФГД	Фокус групповая дискуссия
ФМС РФ	Федеральная миграционная служба Российской Федерации
ЦА	Центральная Азия
ЦБД УИГ	Центральный банк данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства
ЦОН	Центр обслуживания населения
ЧАЗ	Частное агентство занятости
ЮНДАФ	Рамочные основы оказания помощи в области развития Кыргызской Республике
ЮНИСЕФ	Детский Фонд ООН
FIFA	Международная Федерация по футболу (Fédération Internationale de Football Association)

Такие понятия, как мигрант, интеграция, мультикультурализм, возвратная миграция и другие вошли в нашу жизнь не так давно, но, кажется, мы знали их всегда, понимаем их значение, более того, зачастую используем эти понятия для описания реальности. Например, сегодня молодые бишкекчане или душанбинцы¹ одинаково остро реагируют на то, что их города стремительно заполняют сельчане – мигранты, и как они негативно меняют облик обеих столиц. При этом упускается из виду, что в 80-е годы в этих городах представители этнических групп, называемых титульной нацией, составляли соответственно 22,9% и 31,6%, и что большинство сегодняшних «городских» жителей еще вчера «понаехали».

В своей книге «Интеграция мигрантов. Концепции и практики» российский ученый В.Малахов дестабилизирует ключевые миграционные термины, говорит о неоднозначности каждого из них. Так, например, под термином «интеграция», говорит Малахов, можно найти как минимум три разных им объединяемых феномена: 1) ассимиляцию мигранта (утрату идентичности, отличительных черт, характерных культуре отправляющего общества и «растворение» в принимающей культуре), 2) культурную адаптацию (приспособление к новой культуре без отказа от собственной идентичности) и 3) структурную адаптацию (включенность в социально-экономическую жизнь принимающего общества).²

Совершенно солидарную позицию занимает и исследователь И.Плюгина, заявляя, что в международном праве до сих пор не сформулировано определение термина мигрант, а в правоприменительной практике разных стран мира различаются три основных критерия, применяемых для определения мигранта: место рождения, гражданство и место проживания. Каждый из критериев также проблематичен и изменчив, что легко может продемонстрировать статус кыргызов и таджиков (старше 30 лет) в Москве: рожденные некогда в едином государстве под названием Советский Союз, граждане двух суверенных ныне государств КР и РТ являются иммигрантами в бывшей столице своей родины.

Исследователи П.Лисицын и М.Ермакова в статье «Кто такой мигрант? Еще раз к вопросу о базовых социологических характеристиках»³ резюмируют свой анализ выводом: «мигранты – это не сущности в мире, это точка зрения на мир. Исходя из такого подхода, исследовать мигрантов надо не как группу, а как категорию, задавая ключевые исследовательские вопросы: «Кто формирует эту категорию?», «Как и для чего создается эта категория?», «Как категория институционализируется?» и «К чему приводит эта институционализация?»⁴

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА: изучить положение женщин и девочек, затронутых миграцией в Кыргызстане и Таджикистане, определить и проанализировать их уязвимость и потребности, а также институциональную, политическую и социальную среду в которой они находятся для дальнейшей разработки политик и программ деятельности стран-участниц в сфере миграции. Особенным фокусом исследования является изучение вызовов реинтеграции женщин и девочек, имевших опыт миграции после возвращения на родину, и проблем адаптации женщин и девочек из семей мигрантов после возвращения их на родину.

Как и почему возникла необходимость различения категории затронутых миграцией женщин и девочек из РТ и КР? Насколько оправдано объединение в такой категории женщин и девочек, кто имел опыт личной миграции, и кто, являясь членом семьи трудовых мигрантов, оставался на родине? Возможно ли увидеть за отдельными траекториями разнородных судеб затронутых миграцией женщин и девочек из РТ и КР схожие потребности и проблемы, достижения и возможности? Эти и другие критические вопросы легли в основу настоящей публикации.

1 Бишкек – столица Кыргызской республики, Душанбе – столица Республики Таджикистан http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0677/analit04.php#_ftnref; Энциклопедия. / Главный научный редактор Диноршоев М. Д.. — Душанбе: Главная научная редакция Таджикской Национальной Энциклопедии, 2004. — С. 22. — 132 с. — ISBN 5-89870-071-4.

2 http://www.liberal.ru/upload/files/Malahov_pp1-40.pdf

3 Современные проблемы транснационализма и миграции. Т.2, стр. 28 <http://tandem.spbu.ru/publications/>

4 Там же.

Для ответа на исследовательский вопрос в настоящем исследовании был проведен обзор трендов изменений в положении и потребностях затронутых миграцией женщин и девочек из РТ и КР, а также изучен характер влияния и роль инфраструктур миграции на траектории судеб женщин и девочек.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной методологической рамкой изучения был выбран теоретический подход инфраструктур миграции, который означает систематически взаимосвязанные технологии, учреждения и субъекты, которые создают и обеспечивают условия и режимы мобильности для разных категорий людей. То есть подход призван продемонстрировать, как разные компоненты инфраструктур миграции влияют именно на миграционное поведение и практики разных женщин и девочек из РТ и КР, затронутых миграцией.

Наиболее ценным в данном теоретическом подходе представляется установка, что миграционные стратегии мужчин и женщин из разных стран и страт – являются не результатом их воли и желаний или рационального выбора. Напротив, траектории мобильности и судьбы мигрантов как женщин, так мужчин определяются специфическими комплексными конфигурациями тех самых инфраструктур миграции – законодательными системами и процедурами документирования граждан и не граждан, коммуникационными и транспортными инфраструктурами, миграционными брокерами всех типов и статусов, культурными практиками и социальными сетями.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для обеспечения полноты и надежности данных, собранных в ходе исследования, была разработана методология, включающая качественные и количественные методы сбора и анализа информации. В частности, были применены следующие методы: а) кабинетное исследование, б) анализ политик, в) экспертные интервью, г) фокус групповые дискуссии, д) глубинные интервью и е) контент анализ.

Целью кабинетного исследования было выявление пробелов в области прав, потребностей и уязвимости женщин и девочек, затронутых миграцией в КР и РТ, через анализ документов и статистики. Компонент Анализа Политики в исследовании включил в себя анализ государственной политики, стратегических программ, национальных планов действий, государственных расходов и нормативных документов в соответствующих секторах. Всего было проведено 30 полуструктурированных интервью (по 15 в каждой стране) с представителями государственных организаций, местных органов власти, НПО, международных организаций, профсоюзов и других релевантных структур. Экспертные интервью позволили узнать мнение экспертов о пробелах в услугах и программах, и получить рекомендации для действий на местном, национальном и региональном уровне в целях снижения уязвимости женщин и девочек.

В рамках исследования было проведено 40 ФГД (по 20 ФГД в каждой стране) в поселениях с наиболее высоким уровнем внешней миграции. ФГД позволили получить глубинную информацию о потребностях и уязвимости женщин и девочек мигранток или затронутых миграцией в КР и РТ. Общее количество участников ФГД в КР составило 203, в РТ 164. Глубинные интервью позволили получить глубинную информацию о потребностях и уязвимости женщин и девочек, затронутых миграцией, а также субъективное восприятие факторов, влияющих на уязвимость. Всего было проведено 10 глубинных интервью: по 5 в каждой стране.

Исследование основывается на сочетании качественного и количественного контент-анализа статей, опубликованных в ведущих медиа обеих стран. Исследовательской группой был проведен анализ медиапродуктов 6 ведущих онлайн-информационных агентств в КР, таких как: www.24.kg, kaktus.media, akipress.org, www.kabar.kg, www.azattyk.org, www.sputnik.kg, и 5 в РТ – avesta.tj, sputnik.tj, www.asiaplus.tj, muhojir.info, rus.ozodi.org, опубликованные за период с 1 мая 2017 года по 31 мая 2018 года. Контент-анализ был проведен аналитиками на нескольких языках, на оригинальном языке публикации и русском языке.

Диаграмма 1. Социально демографические характеристики респондентов в КР.

		Имеют миграционный опыт		Не имеют миграционный опыт	
		работали	не работали	жены / опекуны	дочери
Всего		105	20	59	19
Возраст, в среднем		39	41	45	18
Семейный статус	Не замужем	19	2	1	18
	Замужем	58	15	53	1
	Разведена / вдова	28	3	5	0
Финансовое положение семьи	Хватает на еду и одежду	42	11	24	3
	Недостаточно для покупок	56	6	32	16
	Можем купить дорогие вещи	7	3	3	0
Образование	Среднее (вкл незаконченное)	37	4	25	12
	Средне специальное	30	6	13	4
	Высшее (вкл незаконченное)	38	10	21	3

Диаграмма 2. Социально демографические характеристики респондентов в РТ.

		Имеют миграционный опыт		Не имеют миграционный опыт	
		работали	не работали	жены / опекуны	дочери
Всего		86	14	51	13
Возраст, в среднем		40	45	44	24
Семейный статус	Не замужем	4	0	1	3
	Замужем	47	10	44	9
	Разведена / вдова	35	4	6	1
Финансовый положение семьи	Хватает на еду и одежду	53	10	25	9
	Недостаточно для покупок	27	3	23	4
	Можем купить дорогие вещи	6	1	4	0
Образование	Среднее (вкл незаконченное)	37	7	30	5
	Средне специальное	17	4	10	5
	Высшее (вкл незаконченное)	32	3	11	3

ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование основано на качественной стратегии сбора данных, и не отвечает требованиям репрезентативности. Основная доля респондентов исследования представила опыт трудовой миграции в Россию и Казахстан. Также и источники информации в виде статистики, исследовательских данных преимущественно представляют ситуацию в миграционной сфере и положение трудовых мигрантов из РТ и КР в этих странах назначения. Опыт кыргызстанцев и граждан Таджикистана в расширяющемся ареале трудовой миграции (Турция, Корея, Италия, ОАЭ и другие страны) пока очень скудно представлен в научной литературе и данных статистики.

В рамках настоящего исследования благодаря проведенному в июне форуму кыргызских диаспор нам удалось провести несколько интервью с трудовыми мигрантами из КР со всех уголков мира. Однако, в большей части эти интервью отражают интересы лидеров диаспор. Кроме того, исследование не имело возможности проведения интервью с представителями таджикских диаспор. Также к ограничениям исследования можно отнести и несистематичность изучения публичного дискурса о трудовой миграции из РТ и КР в России.

ГЛАВА 1. СТАТУС ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ В РТ И КР: ТРЕНДЫ ИЗМЕНЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ

Данные исследования позволяют анализировать и судить о трендах изменений в таких ключевых институтах общества, как семья, брак, система семейно-брачных отношений в условиях миграции, описать, как от документирования личности зависит статус женщины и детей в семье и обществе. Отсутствие свидетельств о рождении и паспортов у женщин и девочек отражают их невысокий статус и становится зачастую причиной того, что они не могут мигрировать вместе с другими членами семьи, ограничены в доступе к базовым услугам, оставаясь на родине, а также заведомо не могут получить другие важные для их жизни документы: оформление документов на землю или жилищную собственность, получение свидетельства о браке и пр. Более того, недокументированность одного поколения граждан автоматически делает уязвимыми поколение их детей.

Как показало наше исследование, для респондентов документирование также является значительной проблемой, и во многом влияет на их миграционные настроения и возможности.

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ДЕТЕЙ И ЖЕНЩИН

Согласно Всемирному отчету по здоровью (за 2008 год), 40% всех 128 млн. рождений в мире ежегодно остаются нерегистрированными по причинам отсутствия систем регистрации гражданского состояния, еще хуже обстоит дело с регистрацией смерти граждан – более 2/3 смертей оказываются нефиксированными в государственных регистрах стран мира.⁵

Важность проблемы документирования гражданского состояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе продемонстрировала повестка Первой министерской конференции по учету в 2014 году, которая обусловила Провозглашение Декады учета гражданского населения и статистики естественного движения населения в Азии и Тихоокеанском регионе 2015-2024 гг.⁶

Обзор литературы, связанной с вопросами миграции в РТ и КР, показал локальную специфику в доступе граждан к документированию гражданского состояния: в РТ все еще значительная часть населения испытывает проблемы получения государственной регистрации гражданского состояния (прежде всего свидетельства о рождении, государственной регистрации брака, паспорта и пр). Так, исследование «Правовые проблемы: потребности населения в юридических услугах и практикуемые способы решения» в 2012 году установило, что 54,7% женщин и 45,3% мужчин среди 909 респондентов указали получение документов о гражданском состоянии в качестве ключевой правовой проблемы, из которых 38,3% респондентов не предпринимали активных действий по получению документов по причине неинформированности о том, как решить данную проблему.

Точной официальной статистики по гражданам КР без паспортов, свидетельств о рождении и проживающим в стране лицам без определенного статуса не обнародовано, хотя и государственные служащие, и гражданские активисты, правозащитники, свидетельствуют, что таковых много.⁷ Важно отметить, что ситуация в КР значительно улучшилась с 2011 года, когда в целях организации более эффективной работы по обеспечению населения Кыргызстана национальными паспортами были созданы первые Центры обслуживания населения (далее ЦОН) по принципу «единого окна»,⁸ а сами услуги были стандартизированы.

5 <https://books.google.kg/books?isbn=9244563738>

6 Регистрация актов гражданского состояния и демографической статистики в Азиатско-Тихоокеанском регионе за период 2015-2024 гг. https://www.unescap.org/sites/default/files/Asian_and_Pacific_Civil_Registration_and_Vital_Statistics_Decade2015-2024_Booklet_Russian_1.pdf

7 <https://ru.sputnik.kg/society/20180212/1037711595/obyazatelen-li-inn-dlya-detej.html>: в результате проверки базы данных ГРС обнаружено, что у 216 тысяч школьников нет ПИН, а у нескольких тысяч детей (число уточняется) — даже свидетельств о рождении; https://24.kg/obschestvo/85216_bez_bumajki_tyibukashka_problemyi_jdut_kyrgyzstantsev_ukotoryih_net_pasportov_/; https://kaktus.media/doc/377882_piatiletniy_malchik_jivet_bez_svidetelstva_o_rojdenii_otec_vinit_mestnye_organy.html

8 https://grs.gov.kg/uploads/handbooks/manual_teachers.pdf.

Респонденты нашего исследования определили причины того, почему женщины – трудовые мигранты или члены семей мигрантов не регистрируют свое гражданское состояние, и в каждой из выявленных причин существует страновая специфика:

ОТСУТСТВИЕ ФИНАНСОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Эта причина оказалась характерна для Таджикистана, тогда как ни один респондент в КР ее не упомянул. При этом проблема документирования оказалась очень гендерно-чувствительной: согласно исследованию правовых проблем в РТ⁹, в большей степени женщины, особенно молодые, оказываются без документов (см диаграмму).

Диаграмма 3. Правовые проблемы в распределении по полу (%), n=909¹⁰

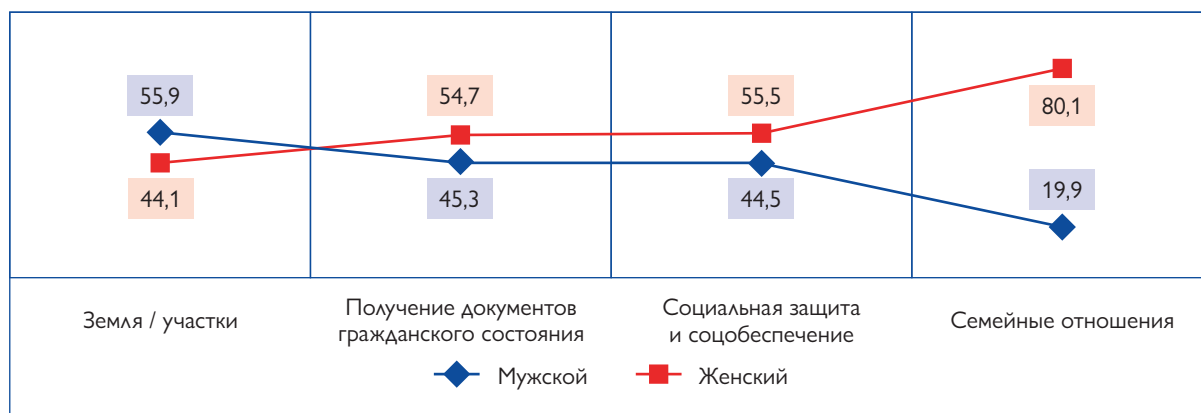
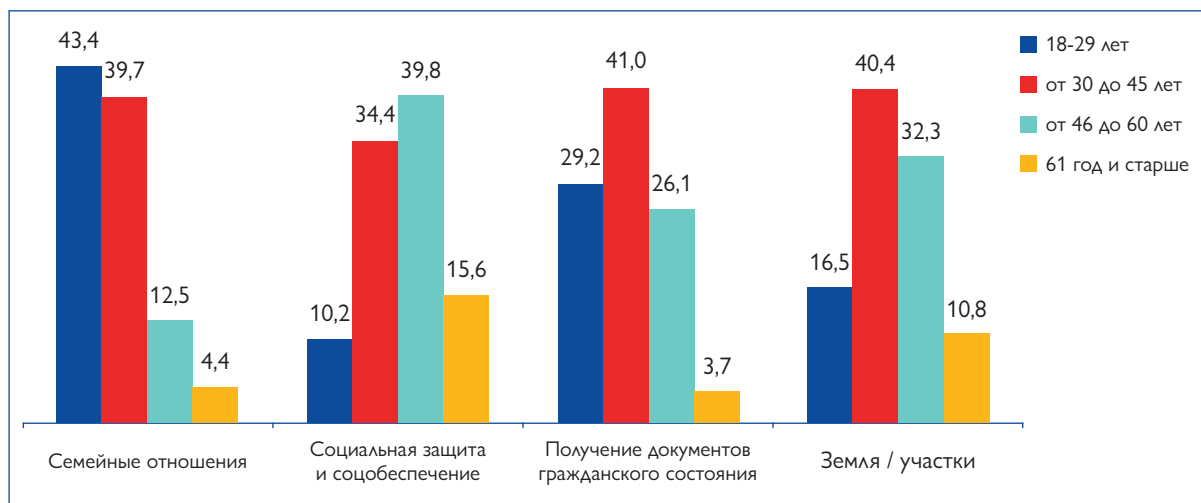

Диаграмма 4. Правовые проблемы в распределении по возрасту (%), n=909¹⁰

Вопрос дороговизны респонденты из Таджикистана поднимали не напрасно: заграничный паспорт этой республики оказался самым дорогим на пространстве СНГ. «Официальная стоимость биометрического загранпаспорта (консульские сборы), установленная постановлением правительства от 02.11.2007 за номером №546, составляет \$75. Плюс к этому получателю необходимо уплатить 75 сомони госпошину и 40 сомони за обслуживание. Это дополнительные 115 сомони, или \$13 (курс НБТ РТ на 23.01.2018). В итоге биометрический паспорт стоит \$88,¹¹ а стандартный срок получения составляет 15 дней со дня подачи документов.

⁹ Правовые проблемы: потребности населения в юридических услугах и практикуемые способы решения. ИОО – Фонд Содействия в Таджикистане – Зеркало, 2012.

¹⁰ Там же, стр 82-83.

¹¹ <https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20180207/nash-dorogoi-zagran>

«...Дешевле всего в СНГ¹² загранпаспорт оформляют граждане Кыргызстана. Первичное его получение стоит 530 сомов, или всего \$7,7. Срок получения – 18 дней. Если же «загран» нужен срочно, то в зависимости от срока изготовления сумма будет увеличиваться, но его максимальная стоимость не будет превышать \$90, а срок получения – три часа. Обмен загранпаспорта в Кыргызстане обойдется в 590 сомов в обычном режиме. А за его утерю или порчу граждане этой страны выплачивают 730 сомов».

БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОВОЛОЧКИ ИЛИ НОРМАТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

Указанная стоимость загранпаспорта в Таджикистане может увеличиваться преимущественно в связи с тем, что гражданам, по информации наших респондентов, приходится ездить за документом многократно. Например, респонденты – одинокие женщины с опытом трудовой миграции из Бохтара, говорили об этом так:

У3: *Хотя бы если стало бы дешевле.*

М: *Сколько стоит получение одного паспорта?*

У3: *Например, 150 сомон. И плюс штраф.*

У6: *Бегаешь туда-сюда.*

М: *Почему сложно оформить?*

У6: *Каждый раз едешь в Джамоат.*

М: *Сколько раз едешь?*

У6: *Больше одного месяца. Где-то 1,5-2 месяца это займёт».*

Второй по частоте упоминания таджикскими респондентами проблемой является бюрократическая волокита. Участники исследования рассказывали, что им необходимо многократно ездить из своего села в город, ждать в очередях, их регистрация откладывается в связи с тем, что они заранее не знают, какой пакет документов должны предоставить. Некоторые указывали, что потратили на получение документа от нескольких недель до нескольких месяцев. То есть несмотря на де-юре существующий в Таджикистане стандарт услуги документирования, де-факто получение паспорта не стандартизировано, а пункты предоставления услуг сосредоточены не в каждом селе, а в административных центрах, что увеличивает транспортные и другие накладные расходы граждан. Эксперты утверждают, что проблема документирования хронически воспроизводится из поколения в поколение, так как нередко дети не могут получить гражданство из-за того, что родители являются лицами без гражданства.

В публикации Радио Озодлик со ссылкой на данные ЮНИСЕФ РТ утверждается, что в 2015 году 12 процентов всех детей, рожденных в Таджикистане, не имели документов.¹³ Респонденты нашего исследования в Иштрававшана свидетельствуют: *«Как я уже сказала, с 1994 года до 2005 года (её сестра учится с моей дочкой), у всех так. Ни одного человека не зарегистрировали. После рождения других людей, стали продолжать оформление документа. До сих пор все ездят в город Душанбе. Мы поехали, приехали, но у нас нет до сих пор свидетельства о рождении. Только провели экспертизу в городе Душанбе».*

Как отметили респонденты, значительные проблемы с документированием испытывают граждане, родившиеся во время гражданской войны. Полученные/выданные тогда свидетельства о рождении часто признаются недействительными, в связи с чем приходится восстанавливать информацию о регистрации рождения в архивах. Тут требуется прохождение определенных процедур, поездки в столицу и, естественно, дополнительные расходы.

Исследование в РТ обобщило данные по продолжительности процедуры получения услуги:

¹² Следует отметить, что в некоторых странах СНГ, в том числе в Узбекистане, внутренний и заграничный паспорта совмещены.

¹³ <https://rus.ozodi.org/a/26930196.html>

Таблица 1. Проблемы в распределении по длительности решения (%), n=636¹⁴

Наименование проблем	В течение недели	Меньше месяца	От 1 до 3-х месяцев	От 3 до 6-ти месяцев	От 6-ти месяцев до 1 года	Более года
Семейные отношения	7,8	10,7	26,2	17,5	13,6	24,3
Социальная защита и соцобеспечение		4,3	24,7	14,0	23,7	33,3
Получение документов гражданского состояния	19,8	25,4	23,8	8,7	4,8	17,5
Земля / участки	2,3	4,1	9,8	9,4	20,3	54,1

В то же время, по свидетельству некоторых таджикских респондентов, многие из тех, кто был депортирован из России или Казахстана, получают документы на другие имена. Причем они могут переделывать все необходимые документы разом – от свидетельства о рождении и аттестата об образовании до паспорта, чтобы обойти список запретников – мигрантов. Как отметила одна из респонденток из Бохтари: *«Я была депортирована. Теперь мне нужны новые документы для того, чтобы перейти на фамилию родителей, или кого-нибудь из родственников. Сейчас нужно много денег для того, чтобы поменять документы»*. То есть, согласно свидетельствам респондентов, получение фактически поддельных документов на фальшивые имя и фамилию вполне возможны. Один из экспертов считает, что *«вся государственная машина работает на подделку документов, в выигрыше остаются государственные органы – ЗАГС, Минобр, паспортный стол, которые неплохо зарабатывают на смене свидетельств о браке, аттестатов, паспортов»*.

По свидетельству экспертов в КР, «замена» паспортов депортированных из РФ граждан также поставлена если не на промышленный поток, то, во всяком случае, довольно часто люди обращаются по таким поводам, и получают новые паспорта на новые (зачастую произвольные) имена, фамилии.

В Кыргызстане проблема удаленности центров предоставления услуг по документированию была в основном решена в 2011 – 2012 гг., когда при каждом айыл окмоту были организованы услуги «единого окна», и сегодня граждане получают паспорта беспрепятственно. Более того, ряд социальных институтов, например, общеобразовательные средние школы, содействуют старшеклассникам в организованном получении паспортов, указывая наличие паспорта (ID карты) в качестве условия доступа к сдаче ОРТ и получения аттестата об образовании. А с 2018 года в рамках пилотного проекта ГРС, в лице учреждений ЗАГС, и родильные дома Минздрава КР объединяют свои базы данных о новорожденных. Таким образом получить свидетельство о рождении ребенка можно сразу в роддоме.¹⁵

В отличие от таджикских, основная причина неполучения свидетельства о рождении ребенка или паспорта кыргызскими респондентами связана, в первую очередь, с халатностью и непониманием среди отдельных групп граждан функционального значения документирования и обращения за регистрацией с задержкой. А, также, с невозможностью обеспечить необходимый пакет документов для получения паспорта (это случай многих кайрылманов – этнических кыргызов – переселенцев из РТ, РУз, Афганистана)¹⁶. Такая же проблема характерна для группы женщин, которые выходили в разные периоды времени замуж из соседнего Узбекистана за кыргызстанских мужчин, и в настоящее время их паспорт Узбекистана более недействителен, но они своевременно не получили гражданский паспорт в КР.¹⁷ Проблема документирования указанных групп населения КР также, как и в РТ, воспроизводит многопоколенный статус лиц без гражданства, несмотря на значительные институциональные механизмы по улучшению ситуации, предпринятые в данной сфере.¹⁸

14 Правовые проблемы: потребности населения в юридических услугах и практикуемые способы решения. ИОО – Фонд Содействия в Таджикистане – Зеркало, 2012. стр 90.

15 <https://kloop.kg/blog/2017/12/26/s-novogo-goda-svidetelstvo-o-rozhdenii-rebenka-mozhno-budet-poluchit-v-roddome/>

16 Согласно информации респондентов фгд, многих документов, необходимых для обращения к услуге оформления паспорта у переселенцев нет (например, свидетельств о рождении), а запросы на выдачу повторного свидетельства, как правило, не удовлетворяются государствами, из которых кайрылманы приехали.

17 На территории КР проживают граждане бывшего СССР с неопределенным гражданством, иностранные граждане (де-факто лица без гражданства) и дети, находящиеся в риске без гражданства.

18 Существование «невидимых» для государства граждан актуализируется на протяжении нескольких лет наиболее активно с участием

НЕОСВЕДОМЛЕННОСТЬ О ПОЛУЧЕНИИ УСЛУГИ

Зачастую, по мнению респондентов, недокументирование гражданского состояния связано с ограниченной информацией, отсутствием каналов информирования граждан. Так, одна из участниц ФГД Гиссар+Яван_жен-мигрантки рассказала типичный случай: *«В нашей местности есть семьи, которые живут в гражданском браке, мусульманским никахом. У них нет свидетельства о браке. Одна девочка в возрасте четырех лет получила свидетельство о рождении. Еще в этой семье есть ребенок 1 год 9 месяцев, недавно был организован хатна туй этому ребенку за счет администрации города, тут выяснилось, что у ребенка нет свидетельства о рождении. Здесь выяснилось, что до года выдает документ джамоат, а после года в районе. Я считаю, что здесь недостатки в неосведомленности. Не все живут рядом с джамоатом и знают обо всех условиях получения свидетельства о рождении и думают, что ребенок пойдет в школу и получит все документы там».*

Отсутствие полной информации у респондентов зачастую стимулирует создание мифов и распространение стереотипов. Среди кыргызстанских респондентов несколько раз были артикулированы воображаемые препятствия для получения документов, устанавливающих право собственности, а также свидетельства о браке и пр.: *«У меня нет государственной регистрации брака. Потому что я вышла замуж за гражданина РФ, а я гражданка Кыргызстана, и нам здесь невозможно было зарегистрироваться. Так и живем без регистрации. То есть у нас гражданский брак, так сказать, у нас есть дети. Но детям пришлось дать мою фамилию».* (Ош, член семьи мигранта, не работала в миграции).

Дискуссии в ФГД продемонстрировали, что массовая трудовая миграция существенно влияет на документирование граждан в КР. Так, если один из супругов получил гражданство РФ или РК, а другой остается гражданином КР, в вопросах документирования их брака, регистрации рождения их детей возникают дополнительные бюрократические процедуры, которые зачастую граждане не преодолевают, будучи уверенными в волоките и коррупционных рисках.

Наиболее распространенной проблемой документирования в КР является вопрос государственной регистрации брака, поскольку в прошедшие десятилетия ритуал религиозной регистрации брака (нике) почти повсеместно «вытеснил» регистрацию в органах ЗАГС. Интересно, что риторически респонденты-кыргызстанцы признают важность свидетельства о браке для защиты прав женщин и детей, но, в то же время, практики заключения браков ритуалом нике доминируют повсеместно и культурно оправдываются.

Хотя вопрос регистрации брака является не менее важной проблемой в РТ, чем в КР, и в ФГД и кейсах в полевом исследовании были выявлены множественные формы уязвимости женщин вследствие отсутствия государственной регистрации брака, но респонденты из РТ в основном приоритизировали проблематику получения паспортов и свидетельств о рождении.

Среди кыргызстанских респондентов были и такие, которые свидетельствовали о преимуществах отсутствия государственной регистрации брака для женщины-мигранта: если она получит гражданство РФ, например, то как мать одиночка она может претендовать на больший размер пособий и первоочередной доступ к ДОО (дошкольные образовательные организации). Кроме того, отсутствие официальной регистрации брака позволяет женщине возить детей в миграцию с собой без нотариально заверенной доверенности от отца на право вывоза ребенка за пределы страны.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И СПЕЦИФИКА

Респонденты из обеих стран отметили, что гендер влияет на своевременное получение документов личности: для юношей своевременное документирование может означать «уход» от призыва в армию **«У1: Да, мальчики бывают что хотят быстрее сделать и уехать, чтобы их не призвали в Армию служить ((шум среди участников группы))**. Мальчики насчет этого активнее, чем девочки. Это мое мнения». **(Хатлон_дочери_мигр)**.

представителей гражданского общества. Благодаря такому участию ряд проблем оказались разрешимыми. Например, возможность регистрироваться. Согласно пункта 4 статьи 16 Закона «О внутренней миграции» граждане без определенного места жительства регистрируются в соответствующем органе местного самоуправления, на территории которого они проживают.

Другая возможная специфическая причина связана с моделью «пробных» браков в традиционном формате: *«У7: Я думаю, что причина состоит в том, что супруги, не уверенные в своем браке, и в случае развода не хотят иметь дело с разделом имущества между супругами или, например, чтобы не платить алименты и т.д.»* (**ГБАО_жен запрет**).

Кыргызстанские примеры гендерных различий в документировании были представлены респондентами из двух разных групп. Первый пример свидетельствует о том, что в КР, также как и в РТ, молодые парни не желают служить в армии, и миграция до совершеннолетия может дать им возможность избежать обязательной воинской обязанности. Второй пример представляет специфическую причину недокументирования в срок, основанную на культурных гендерных стереотипах: *«Еще одна причина, почему у многих нет регистрации брака в ЗАГС. Чтобы зарегистрироваться, нужно заранее до жениться пойти девушке и парню в айыл окомот и заявление оставить. Но наши девушки до замужества не может пойти с парнем, чтобы все видели. поэтому они не идут и сразу не регистрируют брак. а потом уже и забывают после тоя».* (**Ош, дочери мигрантов**).

НЕГАТИВНЫЕ СТИМУЛЫ ДЛЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ

Трендом изменений в вопросах документирования можно расценивать формирования негативных стимулов. И хотя говорили о выгодах нерегистрированного брака только в одной ФГД в КР, сама установка на документирование в данном случае представляется симптоматической, свидетельствующей о высокой адаптивности трудовых мигрантов: *«Я потом узнала, что если не зарегистрирован брак, то и доверенности не нужно от отца, когда детей везешь с собой, не надо дополнительных затрат и хлопот».* (**Чуй, одинокие женщины и девушки, работавшие в миграции**); *«А еще в России для матерей одиночек есть выгоды: например в садик ребенка без очереди можно устроить, и пособие выше на детей дают. если конечно гражданство РФ есть. Поэтому среди наших кыргызов с гражданством российским очень много матерей одиночек, это выгодно и удобно там».* (**Чуй, одинокие женщины и девушки, работавшие в миграции**).

БРАКИ И БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РАЗВОДЫ

Ситуация, сложившаяся в документировании, отражает среду, является формальным индикатором изменений статуса и положения женщин и девочек в условиях массовой миграции. По мнению респондентов, трудовая миграция из РТ и КР повлияла, прежде всего, на институт семьи и брачные отношения в этих странах. В ходе исследования «Гендер в восприятии общества»¹⁹ в КР в 2016 году было установлено, что женщины и мужчины, возвращающиеся из трудовой миграции, сталкиваются в большинстве случаев с одинаковыми проблемами: ухудшением здоровья, психологическими проблемами, сложностями при трудоустройстве, отдалением от детей, а также ухудшением отношений с брачным партнером. Доля женщин, считающих, что миграция ухудшает отношения в семье, составила 67,5 % респондентов.²⁰

Согласно оценке респондентов ФГД и экспертных интервью, долгосрочная миграция неизбежно приводит к распаду семьи, увеличению уровня разводов, хотя судить об этом реалистично не представляется возможным, поскольку высокая частота нерегистрированных браков не дает возможности отследить разводы во всех случаях. В обоих государствах отправки трудовых мигрантов тема разводов в связи с миграцией актуализирована, и государства пытаются бороться с этим явлением.

Респондентки из ФГД считают, что на отношения супругов, разделенных миграцией, влияет не только сама дистанция повседневной жизни, но и близкие родственники и знакомые мужчины, особенно их матери. В ФГД были приведены многочисленные примеры, когда недопонимание происходило не между супругами, а свекровь была недовольна невесткой, и настаивала на разводе. *«Соседи наши. Муж уехал в Россию а она сама месяц как была невесткой (келинчак), и недели как не прошло, как муж уехал на тот момент, в этот период между свекровью и невесткой какое-то разногласия появилось. Свекровь позвонила сыну и сказала пошли свою жену (талок), на то и он согласился».* (**РРП + Хатлон дочери мигрантов**).

19 <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/04b5b8ac-3016-46ed-a7ec-750398c1aeb4.pdf>

20 Там же.

Большинство респонденток считает, что инициатива разводиться чаще всего принадлежат стороне супруга и его ближайшей родне, и связано это с тем, что они понимают, что выгнать женщину после многих лет ее служения семье можно очень просто. Особенно смело разводятся супруги, у которых нет регистрации брака в ЗАГСе. Одна из респонденток в Чуйской ФГД отметила, что **уязвимость женщины в разводе имеет нормативную природу**: «Самая главная проблема, это чтобы при разводе общее нажитое имущество делилось пополам. В Турции, например, все получает женщина в разводе. Мужчины боятся развода, мне нравится вот их закон. Это правильно. Если он уходит к другой женщине, он остается без ничего, никакого имущества не получит, на улице останется. Вот нам женщинам такая поддержка нужна. А наши мужчины свободно, ой, хочу с той буду жить, уходят хоть куда».

Изменение отдельных индикаторов демографической статистики РТ и КР свидетельствует об изменении брачных и семейно-репродуктивных моделей поведения. Результаты социологического опроса, проведенного в 2014 году в РТ и РФ среди таджикских мигрантов²¹ свидетельствуют о том, что 9% таджикских трудовых мигрантов в России страдали от венерических заболеваний за последние три года, а среди членов их семей в Таджикистане более чем в 11% случаев диагностировались венерические заболевания. По результатам опроса трудовых мигрантов в России, 38% из них посетили врача с проблемами репродуктивного здоровья в последнее время. Обращения их супругов в Таджикистане к медицинским услугам по вопросам репродуктивного здоровья были ниже, и составили 23% от респондентов этой категории. Исследователи считают, что «эти факты свидетельствуют об актуальности проблемы репродуктивного здоровья для трудовых мигрантов из Таджикистана и изменении сексуального поведения мигрантов».²²

В рамках исследования не удалось обнаружить актуальных данных статистики или исследований по вопросам репродуктивного поведения в КР в увязке с миграцией. Тем не менее, ряд публикаций научного характера и публикации СМИ²³ актуализируют проблему распространенности ИППП среди граждан КР, особенно подчеркивая, что данные по репродуктивному здоровью женщин более тревожные, чем по здоровью мужчин, но самый большой риск связан с тем, что этими заболеваниями все чаще болеют 15-17-летние девушки.

Изменение брачно-репродуктивного поведения граждан Кыргызстана связаны с миграционными установками и поведением – сделали вывод авторы статьи.²⁴ «... Наличие желания мигрировать увеличивает вероятность того, что на вопрос о возможном вступлении в брак в ближайшие два года, респондентом будет дан положительный ответ. Данные результаты могут показаться парадоксальными, поскольку более ожидаемым следствием наличия твердых миграционных планов представляется отсрочка брака. Тем не менее, в случае с кыргызским населением, брак ..., в действительности может рассматриваться как следствие, или даже как предварительное условие миграции». То есть, для молодых мужчин, особенно из сельской местности, женитьба означает своего рода инициацию и обретение легитимного права уехать в трудовую миграцию. Зачастую также это связано с прагматическими мотивами привлечения рабочей силы в домохозяйство на период отъезда в трудовую миграцию.

Одной из важных характеристик брачно-семейных отношений является показатель ранних браков и раннего материнства. С 2006 года отмечается устойчивый рост рождаемости у женщин в возрасте 15-17 лет: с 4,4 ребенка на тысячу женщин этого возраста в 2006 году до 7,4 – в 2014-м. Также возрастает и рождаемость у женщин в возрастной группе 18-19 лет: с 75,5 ребенка на тысячу женщин этого возраста в 2010 году до 92,7 – в 2014-м. По результатам многоиндикаторного кластерного обследования, в 2014 году примерно 12,7% женщин Кыргызстана в возрасте от 20 до 49 лет вышли замуж до совершеннолетия. Исследование «Гендер в восприятии общества»²⁵ установило, что на рост числа браков несовершеннолетних оказывает влияние ряд причин, та-

21 Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia. Asian Social Science; Vol. 10, No. 20; 2014 ISSN 1911-2017 E-ISSN 1911-2025.

22 Там же.

23 В Москве растет число мигрантов с ИППП <https://rus.azattyk.org/a/28582935.html>; Динамика заболеваемости ИППП в КР. <https://cyberleninka.ru/article/v/dinamika-zabolevaemosti-infektsiyami-peredavaemymi-polovym-putem-v-kyrgyzskoy-respublike>

24 www.public.asu.edu/~agadjan/research/kyrgyz/report_unfpa_rus_draft.doc

25 Gender in Society Perceptions Study: Women and Labour Migration, Research report. 2016, UNPBO-UNEGEEW-UN Women Kyrgyzstan Country Office.

ких как: «желание» самих девочек (23 процента), рост бедности и желание семьи как можно раньше выдать девочку замуж (18 процентов), ранняя половая активность молодых людей (17 процентов), усиление влияния Ислама и других религий, разрешающих девочкам вступать в брак с раннего возраста (16 процентов), а также рост числа случаев похищения несовершеннолетних для вступления в брак (11 процентов).

По мнению респондентов нашего исследования из обеих стран, важным мотивом является также и представление мужчин о краткосрочности целомудренности девушек, подогреваемая дискурсом об «испорченности» девушек и женщин, вовлеченных в миграцию.

Оценивая личный опыт миграции, респонденты выделили несколько разновидностей брачных стратегий мужчин и женщин в миграции, представили свои мнения о причинах этих моделей. Высказанные мнения респондентов фокус групповых дискуссий о браках и брачных стратегиях мигрантов представлены в схематическом виде (см рисунок 1):

Рисунок 1. Браки

Как видно из рисунка, большинство респондентов исследования отметили происходящие социальные изменения в традиционных обществах РТ и РК. И здесь ключевое значение для брачных отношений и моделей поведения в обществах РТ и КР играет то, что молодые женщины и девушки в миграции приобретают экономическую самостоятельность, получают реальное право принятия решений о браке и брачных партнерах. Так, женщины из ГБАО считают: «Молодые сами решат о женитьбе, потом просят разрешение родителей, и отправляют деньги родителям, чтобы они тоже поехали в Россию, если свадьба там».

В КР трудовая миграция становится причиной интенсификации межрегиональных браков, что связано также с более независимым принятием решения молодых о заключении брака и создании семьи.

В тех семьях, где молодые мужчины \ женщины уже были женаты \ замужем до миграции, они зачастую выбирают себе других партнеров в миграции и не скрывают, считая «временные» браки в миграции «естественными» и \ или соответствующими (культурным исламским традициям).

Исследователи трансформации сексуальных и брачных стратегий мужчин – трудовых мигрантов из РТ в РФ отмечают, что обнаружили разнообразные практики удовлетворения сексуальных нужд: одни мужчины предпочитают обращаться к услугам проституток, другие формируют более постоянные отношения с определенной женщиной – «временной» \ «гостевой» женой.²⁶ Режимы сексуальности в указанных вариантах различны: популярным является заказ «девушки по вызову» для целого мужского коллектива в целях экономии денег (35% респондентов сказали, что практикуют именно такой путь удовлетворения своих потребностей и даже отметили, что иногда работодатель приглашает девушек для работников в качестве стимулирующих методов). Мужчины, которые имеют «временных» жен, могут жить с ними вместе или раздельно, встречаясь с ними несколько раз в месяц. Основой для развития такого феномена, как временные браки, авторы считают распространенные практики многоженства на родине и культурное принятие полигамных отношений. Данные исследования трансформации сексуальных и брачных стратегий поведения мигрантов из РТ находят подтверждение и в кыргызстанском обществе, где согласно опросу «Гендер в восприятии общества» 21% женщин-респондентов исследования считают нормальным, «если мужчина в миграции заводит вторую семью при условии, что он продолжает заботиться о первой семье». Хотя авторы публикации считают, что гостевые жены расцениваются как временные в соответствии с исламской традицией, но зачастую этот «брак» приводит к развалу «постоянной» семьи, становится доминирующим в жизни трудового мигранта. О таких случаях нам свидетельствовали респондентки из ФГД в Таджикистане.

Обсуждение темы брачных стратегий в ФГД проходило в следующих терминах:

1. **Государственная регистрация брака: отношение респондентов и причины отсутствия государственной регистрации.** Распространенная в обеих странах практика поздней государственной регистрации брака или полное ее отсутствие воспринимаются респондентами как рациональные выборы двух вариаций – либо сам характер брака противоречит законодательству (полигамные браки, ранние браки без судебного разрешения и пр), либо супруг и его родственники намерено воздерживаются от узаконивания отношений, пока не убедятся в «перспективности» брачных отношений.
2. **Ранние браки – масштаб, причины и оценка таких браков.** Спектр мнений респондентов здесь включил следующие аспекты – причины: а) Признание природной порочности девушек, которые расцениваются, как скоропортящийся товар (они рано начинают гулять, да еще интернет \ мобильные телефоны способствуют развитию этих наклонностей), б) сложилась мода на непорочных девушек, которые в отличие от имевших опыт миграции еще не испытывали тягот и соблазнов жизни, в) опасения родителей, что дочь «вовремя» не выйдет замуж, и может остаться старой девой, «потому что в стране женщин больше чем мужчин», г) вынужденная жизненная стратегия неполных семей отдать дочь рано, чтобы прокормить оставшихся детей, д) признание роли исламской идеологии и даавата служителей мечетей в продвижении модели ранних браков, как правильных с точки зрения коранического учения.
3. **Marriage and family relations in migration.** Дискуссии на эту тему представили значительную гендерную специфику и были построены с использованием авто и гетеростереотипов. В частности, респонденты (и из РТ, и КР) отмечали, что у семейных трудовых мигрантов, живущих в крайне стесненных жилищных условиях, с высокой плотностью заселенности арендуемых квартир, практически невозможна полноценная интимная супружеская жизнь. Более того, ввиду практики выбора «дома» поблизости с работой некоторые мигранты-супруги жить семейной парой не могут, и вынуждены встречаться ограниченно (1-2 раза в месяц).²⁷ С небольшими

²⁶ Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia. Asian Social Science; Vol. 10, No. 20; 2014 ISSN 1911-2017 E-ISSN 1911-2025.

²⁷ Например: «У2: Супруги выезжают в миграцию на заработки, но ситуация складывается таким образом, что они не могут жить вдвоем, нет возможности, то есть они живут отдельно, и вот тут могут начаться подводные камни. У10: Женщина работала посудомойкой, начальник азербайджанец увидел и решил соблазнить замужнюю женщину, а так как они с мужем работали в разные смены и жили по отдельности, ей пришлось очень тяжело, ей пришлось прятаться под машинами пока, не пришел на работу ее муж» (Расулов жен мигр).

«национальными» вариациями представлялся также сценарий «совращения» «своих» девушек. Респондентки из РТ свидетельствовали о «бесчестном» отношении мужчин и их родных к молодым девушкам-таджичкам, которых они официально дистантно сватали, совершали ритуал «никах» при помощи родителей и других ближайших родственников, и «выписывали» в Россию. Там, прожив с ними непродолжительное время, они давали развод «талок», расценивая отношения как пробный брак. В вариации кыргызтанцев обычно родственники парня не задействованы, парни «находят» девушек через социальные сети и «приглашают» в Россию, обещая помочь устроиться на работу и найти жилье. По приезду они, как правило, предлагают жить вместе, и фактически складывается гражданский брак.

Важной частью брачных стратегий на родине являются фиктивные браки. Респонденты из Таджикистана говорили о распространенности фиктивных браков среди таджикских мужчин с целью получения гражданства РФ, но дискуссии о таких браках продемонстрировали, что границы между фиктивными и реальными брачными отношениями довольно зыбки. Сексуальные отношения трудовых мигрантов из РТ с российскими женщинами в целом очень распространенный дискурс, и респондентки говорили на ФГД о сожительстве квартирантов-таджиков и арендодателей жилья – русских женщин. Причем, аргументация неизменно представляла стереотипизированный образ такой русской женщины: «многие хозяйки квартир незамужние, или у них мужья пьющие и бессильны в половом отношении, не выполняют свой супружеский долг, вот они и рады с нашими мужьями жить. Они же еще и по хозяйству все могут сделать». В кыргызских ФГД несколько раз обсуждался новый «брачный» тренд среди кыргызстанцев, проживающих в больших городах России. Речь идет о молодых мужчинах, которые не могут или не хотят тяжело работать и зарабатывать деньги тяжелым мигрантским трудом, предпочитая найти взрослую женщину, которая уже «встала» на ноги, и может обеспечить не только себя и своих родных, но и своего партнера. Обсуждение таких случаев было особенно активно среди молодых участниц ФГД, которые выступали с резким осуждением таких отношений, называя мужчин ленивыми трутнями.

Наконец, вариация брачных отношений в миграции, характерная для женщин: Женщины (реже из РТ, чаще кыргызстанки), которые находили в миграции себе новых партнеров, зачастую других этничности и гражданства, говорили о качественно новых отношениях с мужчиной, об уважении и красивом уходе, которых они никогда не видели от своих мужей \ партнеров на родине. То есть для таких категорий трудовых мигрантов миграция предоставила ценные возможности расширения национального брачного рынка и шанса на семейное счастье.

4. **Влияние миграции на брак: оценки респондентов.** В основном влияние миграции оценивается позитивно в экономических терминах, но крайне негативно в социальных и культурных. Экономический аспект влияния миграции охватывает достижение важнейших для семьи ресурсов, что было бы невозможно без миграционных доходов: строительство \ покупка собственного дома или квартиры, возможность выплатить огромные долги, в том числе кредиты, приобретение автомашины, мебели и бытовой техники в дом, что улучшило бытовые условия жизни, возможность профессионального обучения детей в престижных учебных заведениях, возможность открыть «свое дело» и получать доход на родине.

В каждой ФГД рассказывали похожие по сценарию истории (независимо от гражданства РТ или КР), в которых женщина смогла выбраться из полной нищеты и стала очень богатой, влиятельной в обществе, смогла дать детям шанс обеспеченной жизни. Зачастую у такой героини параллельно решаются и вопросы супружества – после долгих мытарств она встречает мужчину, который ее любит, ценит и поддерживает.

Социальные и культурные издержки миграции описываются респондентами в терминах:

- а) повышение конфликтности в семье, разводы (инициаторы и женщины, и мужчины),
- б) появление категории брошенных жен, которые с детьми борются с бедностью, депрессией и плохим здоровьем,
- в) стигмы женщин и девушек, имеющих опыт миграции, несмотря на их вклад в экономику домохозяйства и сообщества,

- г) поломанные судьбы детей, которые не узнали, что значит родительская любовь и забота, оступились в жизни, и оказались социально исключенными
- д) потеря здоровья \ утрата близких людей
- е) потеря семейных традиций и формирование больших групп женщин и мужчин, которые больше не хотят жить по прежним порядкам, в прежних бытовых условиях и в прежнем сообществе
- ж) утрата «местных \ национальных» корней – нежелание \ неспособность поддерживать и следовать культурным нормам (в том числе одежды, поведения) поколения отцов.

Таким образом, изучение восприятия респондентами влияния миграции на брачное поведение кыргызстанских и таджикистанских мужчин и женщин на родине и в стране назначения трудовой миграции складывается противоречиво. С одной стороны, это дискурс возможности расширения брачного рынка и увеличения шансов на выбор брачного партнера либо возможности сохранения брака и семьи через решение экономических потребностей в миграции, с другой стороны, это дискурс о неизбежном и неэквивалентном обмене экономических выгод на высокие социальные и культурные издержки трудовых мигрантов.

НАСИЛИЕ В СЕМЬЯХ

Дискурс миграции традиционно тесно переплетен с дискурсом насилия: он включает в себя и вопросы дискриминации и насилия в отношении мигрантов в принимающем сообществе, включая насильственную эксплуатацию и националистические нападения, это и насилие внутри этнических диаспор, включая гендерное насилие трудовых мигрантов мужчин в отношении трудовых мигранток-женщин – соотечественниц, также актуальная дискуссия ведется в медиа о насилии в отношении детей мигрантов, оставшихся на родине без родителей.

Вопросы домашнего насилия в среде трудовых мигрантов на чужбине и другие аспекты насилия в семье в миграции пока изучаются менее активно ввиду латентности процессов и сложности доступа.

В настоящем исследовании респонденты поднимали тему насилия в миграции неоднократно, и не только в контексте трудовой сферы, но и в семейном окружении. По их мнениям, наиболее уязвимыми в семье были и остаются молодые невестки – их повседневная жизнь сложна и на родине, после отъезда мужа на заработки, и в миграции, если она едет как член семьи мигранта.

Так, респондентки ФГД и в КР, и в РТ, особенно молодые, рассказывали о том, что невестки фактически живут в рабстве в семье мужа, без психологической поддержки от мужа или других членов семьи: *«У меня в семье мужа отношения не очень складывались, они меня несколько раз прогоняли, муж бил. Потом я забеременела, родила ребенка, и он заболел, у него начались судороги, и он терял сознание. В больнице нам сказали, что не смогут его вылечить, мой муж тогда мне сказал, что ему не нужен больной ребенок, и такая жена. И та, я уже шестой год живу с матерью».* **(Гафуров один.жен).**

Получено множество свидетельств роли свекровей в воспроизводстве домашнего насилия в отношении невесток. Именно они часто пользуются своей символической властью, чтобы настроить мужей против их молодых жен, заставить их применять физическое насилие, как наказание за непослушание или недостаточную расторопность: *«Я могу рассказать историю о своей племяннице. Будущий ее муж был в России, уехал на два года. Мы ничего не знали, что он был наркоманом. Ему было 27 лет, он всегда требовал у матери, чтобы она ему высылала деньги в Россию. Там у него была жена и дети. Они посватались к племяннице, когда они провели мусульманский никох и ЗАГС. Они нам не сказали. Потом мы узнали, что он наркоман, были случаи домашнего насилия, избивал жену и периодически уезжал в Россию. Жена оставалась с родителями, мы часто ее напутствовали, что надо терпеть, но он перешел все границы, стал избивать ее собачьей цепью железной, рукояткой лопаты. Мы поняли, что он... нет человеческих отношений в семье. Здесь домашнее насилие и еще родители, свекровь, травят сына, бесконечно жалуются на сноху. Он приезжал из России и избивал свою жену».* **(Гиссар + Яван,жен.мигрантки).**

Врезка

История З*. Мечта о Доме.

Она всегда мечтала о своем доме. Доме, в котором она была бы хозяйкой. Но до сих пор судьба не была к ней благосклонна. Ее мама, к которой не вернулся с гражданской войны муж, вынуждена была выйти замуж второй раз. Во втором браке и родилась З*. Но когда З* исполнилось три года, вдруг появился ее первый муж, и увез маму в Россию. Взять с собой дочку он ей не разрешил. З* считает, что дело в региональной неприязни – ее отчим гармский, а отец кулябский. До 15 лет З*, впрочем, и не знала всей этой истории – она росла в семье сестры матери, и считала тетю матерью. В школе З* училась только 4 класса, потом ей пришлось ухаживать за маленькими детьми тети. Жить у одной тети все время не пришлось – у ее матери было 4 сестры, и З* провела свое детство, кочуя от сестры к сестре, всюду ей приходилось помогать по хозяйству и ухаживать за детьми. Когда З* исполнилось 15 лет, впервые приехала ее родная мать и выдала ее замуж. Причем брак с разрешения суда был зарегистрирован. Как говорит девушка: «столько я измучилась, уже не хотелось жить, то здесь, то там, думала – выйду замуж, чтобы жить в одном месте, начать свою жизнь». Но счастливой жизни не получилось: прожили с мужем всего 4 месяца, потом он собрался в миграцию. После отъезда мужа в Россию З* прожила со свекровью, деверем и его женой 1 год и 8 месяцев. Про это время З* говорит коротко: я измучилась. Во-первых, родня мужа упрекала ее, что у нее нет ни отца, ни матери. Во-вторых, деверь, который оказался психически больным человеком, постоянно ее домогался, преследовал повсюду. Поэтому свекровь разрешила ей ехать к мужу. Когда она поехала к мужу в Москву, оказалось, что он уже завел себе другую женщину. Три месяца жизни в Москве были наполнены конфликтами с мужем, насилием, она даже в Москву не увидела – все время сидела в квартире. После очередного избиения его сестра купила ей обратный билет. Но родня мужа ее обратно уже не приняла. По слухам, ее мужа та женщина завербовала в ИГИЛ, и он уехал в Сирию. Уже несколько лет о нем нет никаких сведений. А З* живет у дяди, ходит на любую поденную работу, делает все по хозяйству у дяди дома, чтобы не выгнали и ... не знает, как жить дальше. Она пыталась поступить в ПТУ на рабочую специальность, но с образованием 4 класса ее не взяли.

З* говорит: «Одинокой женщине тяжело не только там, но и здесь, на родине. Хотя здесь родное место, милиция не придет, документы и пропуску не проверит... Если бы мама не оставила и не уехала, у меня бы жизнь сложилась иначе». Говоря о возможной миграции, З* говорит: Работы я не боюсь, боюсь того, что я молодая. Парней там много, могут приставать, все может произойти». Заветная мечта З* – встретить любимого человека и выйти за него замуж. Она говорит о таком сценарии: «Это самое лучшее. Жить с мужем в своем доме».

Во время в двух ФГД в Таджикистане женщины старшего возраста заняли позицию в поддержку свекровей, которые содействуют насилию и изгнанию беззащитных молодых невесток из дома мужа. Так, например, респондентки из Хатлона считают, что свекрови правы и справедливы, выступая против невесток, а невестки иногда сами «заслуживают наказания»: **У2:** *Наша соседка, она где-то две недели прожила в браке и её привезли домой в синяках, муж ее здесь, он не в миграции. Он её пустил учиться, она учится в каком-то Коледже, оказывается, по телефону своей подруги общалась со своим «кавалером». Вот как потом таким девушкам верить, потом, когда такие ситуации узнают мужчины, перестают верить. Конечно, мама будет права. Зачем маме не правду говорить, мама у тебя всю жизнь, а она у тебя год или меньше».*

Одна из экспертов отметила: большинство молодых женщин и девушек в Таджикистане мечтают быть старухами. Старухи как королевы в семье: ее дети уважают ее, она повелевает невестками, от нее зависит успех брака ее сыновей и внуков.

Традиционное воспитание таджикских и кыргызских девушек, особенно сельских, предписывает терпение и не сопротивление, признание права супруга и его родителей наказывать за ненадлежащее поведение. В традиционном обществе считается, что молодая женщина не должна обращаться к своей родне за помощью. Но в большом ряде случаев женщинам и некуда обращаться – либо у них нет родителей на родине, родители – мигранты, либо они выросли в неполной семье, и одинокая мать не может расцениваться как полноценный защитник прав девушек.

Апогеем насилия в отношении невестки зачастую становится процесс развода и ее изгнание из дома родителей мужа. Родня мужа обычно не желает оставлять у себя дома невестку с внуками после развода, опасаясь, что она с детьми будет претендовать на часть собственности семьи. Проблема «брошенных» жен в Таджикистане особенно тяжела именно потому, что им негде жить, уйдя из дома родителей мужа. Вернуться в родительский дом не всегда получается. Порой родителей уже нет в живых, а другие родственники, в т.ч. родные братья, не всегда готовы принять женщину, да еще и с детьми. Но и продолжать жить в насилии в доме мужа – опасно.

Порой будучи не в силах скрыться от домашнего насилия со стороны родственников мужа, женщина сбегает от них в миграцию. О двух таких случаях женщин, живших в систематическом домашнем насилии, рассказали на ФГД респондентки из Таджикистана. В этих кейсах миграция в Россию оказалась единственной возможностью женщин прекратить насилие. «Вторая дочка, у нее муж двадцать лет выпивал. Надеялись, что все обрывается. Но с каждым годом становилось хуже. У них трое мальчиков. В прошлом году дочка подала заявление на развод. Здесь устроилась на работу. Но зять не дал

ей работать, ходил к ней на работу и избивал. Вот она уехала в Россию, подальше от него». (Аум, опекуны мигрантов).

В ФГД респондентки из Хатлона говорили о нормализации домашнего насилия и упоминали несколько случаев, широко представленных в СМИ, о том, как молодые невестки, жившие в ситуации домашнего насилия, совершали суицид вместе с убийством своих маленьких детей. Так, упоминался недавний случай в Согде, когда свекр убил свою невестку за то, что та обратилась в суд старейшин с просьбой, чтобы ей с ее детьми после развода была выделена комната для проживания в семье бывшего мужа.²⁸

Собранные в рамках исследования кейсы судебных женщин из Таджикистана, затронутых миграцией, позволяют говорить о том, что для некоторых групп женщин складывается своеобразная хроническая «исключенность» и статус тотально бесправной жертвы, который передается из поколения в поколение. В этих судьбах девочек, девушек и женщин они погружены в повседневное домашнее насилие и несправие. Жизнь 19-летней респондентки З*, дочери мигрантки из Бохтарского района – одна из таких печальных историй. В интервью она признается, что устала от жизни, сожалеет о ней, и не видит никаких перспектив. (см врезку 1). Среди историй женщин, затронутых миграцией, эта не является исключением, она почти что «типична», несмотря на весь драматизм.

Уязвимость кыргызстанских женщин в семье значительно отличается от уязвимости таджикских женщин. Респонденты ФГД отмечали, что отношения между свекровями и невестками существенно изменились, потому что среди современных девушек не так легко найти невестку для младшего сына, готовую жить в селе с родителями мужа всю жизнь.²⁹ Свою роль сыграл резонанс в обществе после ряда публикаций в СМИ историй, когда невестки покончили жизнь самоубийством, а свекрови обвинялись по уголовной статье «доведение до самоубийства». Как говорили в ФГД женщины старшего возраста из Оша «*Невесток старого образца больше нет. Теперь мы сами боимся, как бы чего с невесткой не случилось. Современные невестки чуть что, сразу уходят. Если надо, я сама как невестка бегаю по хозяйству. У них здоровья нет такого, чтобы по хозяйству работать. А если муж ее в миграции, так мы вообще им в глаза заглядываем, чтобы не ушла, не дай бог*».

Как бы не скрывали респондентки ФГД в КР практики домашнего насилия, статистика и исследования в данной сфере свидетельствуют, что масштабы домашнего насилия все еще внушительны.³⁰ Тем не менее, о физическом насилии в кыргызском обществе не принято рассказывать. Эти факты скрываются возможно потому, что большинство населения понимают ненормальность такой ситуации.³¹ Кыргызстанские респондентки в ФГД не рассказывали о кейсах физического домашнего насилия в отношении невесток, но несколько респонденток свидетельствовали о практиках экономического насилия. Так, женщины рассказывали, как работая в миграции и отправляя деньги в дом мужа, по возвращении они оказывались полностью отчуждены от результатов своего труда: дом, построенный на ее мигрантские доходы, скот, приобретенный на трансферты и пр., были зарегистрированными на имя свекра или свекрови, а сама она лишалась права принимать решение о расходовании средств.

Одна из историй женщины из Джалал-Абада в этом смысле была довольно типична: после трех лет работы в России женщина вернулась домой и увидела, что на ее деньги отремонти-

28 <https://news.tj/ru/news/v-sogde-svekor-ubil-nevestku-plemyannitsu-na-glazakh-svoikh-maloletnikh-vnukov>

29 В кыргызской традиции сохраняется право минората – системы наследования младшего сына. Однако и эта традиция сегодня подвергается изменениям, и поколение молодых все чаще живет далеко от родителей, а поколение родителей все чаще живет в «пустом гнезде», чего никогда в прежние времена не случалось. Более подробно об этих изменениях см. Влияние миграции на старшее поколение: Старики во главе домашних хозяйств в Кыргызстане. см. подробнее https://www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Impact%20of%20migration%20on%20elderly,%20rus.pdf

30 Согласно статистике, в 2017 году в кризисные центры, суды аксакалов обратилось 1603 женщины, а в учреждения здравоохранения обратились за медицинской помощью 3272 женщины, по статистике МВД в 2017 году были выданы 7323 охранных ордера лицам, совершившим домашнее насилие. подробнее см. <http://www.stat.kg/ru/statistics/gendernaya-statistika/>

31 Настоящее исследование не охватило мнений и позиций, которые в последний год присутствуют в медиа пространстве. Согласно медиа дискуссии насилие в семье чаще производится родителями в отношении детей, в том числе матерями в отношении дочерей, поведение которых не соответствует культурным нормам. Медиа сообщения о появлении так называемых «убийств чести» в этом смысле являются очень тревожным знаком. Так, одно из таких убийств произошло в 2018 году в Ошской области. см. подробнее https://24.kg/proisshestvija/91157_opozorila_semyu_vnookate_mat_ubila_doch_rodivshuyu_rebenka_vne_braka/

рован дом свекра и куплен десяток бычков на откорм. Еще год она ухаживала дома за бычками и мечтала, что, продав скот, они с мужем смогут инвестировать в образование дочери. Но через год муж решил исполнить долг мусульманина сына – отправить своих родителей в хадж, и сделал это на деньги, вырученные от продажи тех выросших бычков. Женщина вспоминает: *«Самое интересное, что никто даже не упомянул моего труда. Всей махалле свекровь хвасталась, что ее сын отправил их в хадж, мне никто и спасибо не сказал. Только вот почки у меня остались больные после трех лет тяжелой работы в российском холодном климате. Зря я здоровье потеряла».*

Респондентки из КР активно обсуждали вопрос доступа невесток к собственности семьи. Одна из респонденток в Чуе рассказала, как семья мужа без физического насилия лишила женщину законно полагающегося ей жилья и другой собственности. Семья мужа уничтожает шансы женщины на раздел имущества в случае развода не посредством физического насилия, но нормативными средствами: *«Мужчины стараются не регистрировать брак, не желая иметь проблем с имуществом в случае возможного развода: Я когда вышла замуж сюда, в Нарын, мы зарегистрировались только когда я родила третью дочь. Он сам шутит иногда и говорит, что если бы я не родила ее, может и не зарегистрировал бы он свой брак. Да я особо и не рвалась. У них принято, они все записывают на свекра – например, машину, дом в котором живут. Вот мой кайни (братишка мужа) развелся с женой через 6 лет совместной жизни. У них есть регистрация в Загсе, но она ничего не сможет получить. Даже суд ей не поможет. То есть они живут с оглядкой. Живут в одном доме, спят-едят вместе, но не от души. Вот это меня как-то... у них ведь и дети есть общие, неужели он от своих детей уберегает имущество?».*

Насильственные практики не прекращаются в семьях мигрантов и в странах назначения. Отчет о трудовых мигрантах в Казахстане приводит свидетельства: *«Работница шелтера МОМ в Оше рассказала миссии о паре, попавшей в рабство в Казахстане, и прожившей там в ужасных условиях: «Хозяин наливал когда ему [мужу] – он забывал про детей, жену. Хозяин как будто с мужем на одну сторону становится, а жена с детьми одна. И за праздники удерживал деньги, а в них участвовал только муж.»* По возвращении из рабства мужчина неоднократно избивал жену прямо в шелтере.³²

Исследования по домашним работникам в миграции,³³ а также экспертные интервью в ходе нашего исследования³⁴ подчеркивают высокие риски насилия в отношении женщин трудовых мигрантов в домашней сфере.

Согласно нашему и другим исследованиям невестки в семье – не единственная уязвимая категория. В условиях массовой трудовой миграции зачастую девочки – подростки и незамужние девушки, и даже взрослые женщины – матери становятся более уязвимыми. Такое положение связано с увеличением рабочей нагрузки из-за того, что на родине остается несколько маленьких детей, за которыми необходимо осуществлять уход и заботу на время пребывания их родителей в миграции. Респондентки указывали, что в отдельных семьях хозяйки дома вынуждены воспитывать даже 7-10 разновозрастных внуков. Невестки в ФГД даже высказывали обиды в этой связи, говоря, что по традиции дети дочерей не должны воспитываться у ее родителей, но на практике матери хотят помочь своим дочерям улучшить их материальную жизнь и берут опеку за их детьми на себя.

Согласно исследованию Хэлп Эйд Интернешнл, в КР в 9-ти из каждой 10-й семьи, где оба родителя мигрировали, бабушки и дедушки играют главную роль в воспитании детей. Несмотря на переводы, получаемые от детей и других близких родственников, работающих в другой стране, пожилые люди до сих пор полагаются на свои пенсии, чтобы прокормить и обучить своих внуков. Для многих такая забота сильно ухудшает и без того сложные жизненные условия, более 10 % из этих бедных многопоколенных семей идут спать голодными.³⁵

32 «Несуществующие люди» и их эксплуатация в Казахстане: бедственное положение трудовых мигрантов из Кыргызстана и членов их семей. Июнь 2018, №713, FIDH – АДЦ Мемориал. стр. 39.

33 См. подробнее <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0661/tema01.php>

34 Интервью с экспертами из академической среды в РТ и исследователем в КР.

35 <http://www.helpage.org/russian/resources/resources/publications/> Оценка и смягчение сезонности бедности в уязвимых домашних хозяйствах в Кыргызстане и Таджикистане 2017-2018.

Хотя случаи физического насилия в отношении пожилых людей еще более закрыты для общества, по сравнению с насилием в отношении невесток, но отдельные свидетельства все же говорят о новых формах уязвимости. Так, одна из взрослых женщин в ФГД в Чувашии рассказала, что оказалась втянутой в конфликты детей сына и дочери, которая оставила детей и мигрировала в Россию. Женщина говорит: *«Если хочу по справедливости рассудить споры и драки детей сына и дочери, вижу, как с выжиданием на меня смотрит невестка. И знаю, что если я не буду на стороне детей сына, будет очередной скандал. Вот так в собственном доме оказалась не хозяйкой. И детей дочери жалко – они и так без матери растут»*.

В обзорном гендерном исследовании по проекту Бай Алай была выявлена специфическая новая форма уязвимости пожилых женщин, которые всегда были активными общественными и государственными работниками. Теперь сыновья оказывают на них психологическое давление и настаивают на том, чтобы она «соответствовала культурным нормам» байбиче, и сидела дома и ухаживала за супругом и внуками, мать которых в миграции. Получается, что таким женщинам отказывается в свободе выбора образа жизни и даже передвижения, потому что зачастую дети не разрешают им посещать различные публичные мероприятия.³⁶

Таким образом, институт брака и семьи претерпевает существенные изменения под влиянием миграции. Трендами изменений являются новые формы семейно-брачных отношений, включая дистантные семьи, семьи с гостевыми женами, пробные браки \ семьи, одновременно с этим укрепляются практики ранних браков, полигамных браков, все еще существуют насильственные практики умыканий и даже забытые исторические формы сороратного брака.³⁷ Большая часть «новых» форм брака связаны с прагматическими, иногда даже коммерциализированными интересами и потребностями мужчин. Женские интересы и потребности редко становятся формообразующими в браке. Система семейных отношений находится в кризисной трансформации, признаками которой является расширение практик и уровней насилия, снижение эмоциональной составляющей в отношениях супругов, родителей и детей.

ТРЕНДЫ (РЕ)ИНТЕГРАЦИИ

В рамках настоящего исследования вопрос интеграции трудовых мигрантов из РТ и КР в странах назначения, а также реинтеграции возвратной миграции поставлен как один из ключевых и имеющих практическое значение.

Среди респондентов нашего экспертного опроса прозвучали критические мнения по ряду аспектов поставленного на повестку дня в РТ, КР, РФ вопроса интеграции миграции. Так, эксперт из РТ, работающая в академической сфере, отметила следующие проблемы интеграции:

- Выезд трудовых мигрантов из РТ в РФ имеет существенную гендерную специфику: женщины с детьми, которые выезжающие в качестве члена семьи трудового мигранта, не могут урегулировать в таком качестве свой статус. И не только автоматически попадают в серую зону, но и усиливают свою зависимость от мигранта – кормильца (мужчины). То есть несовершенство законодательства принимающего государства неизбежно производит женщину – нарушителя миграционного режима, обреченную на ограничение мобильности и дискриминации и насилие со стороны правоохранительных органов с одной стороны, и, с другой стороны, создает почву для насилия и дискриминации женщины – члена семьи трудового мигранта со стороны принимающего населения и членов ее собственной семьи.
- Языковая некомпетентность нового поколения трудовых мигрантов из РТ радикально отличает их от первой волны трудовых мигрантов в Россию, которые стали выезжать после распада Советского Союза. Это отличие зачастую не носит объективного характера, а используется как инструмент политического давления на мигрантов и, опосредовано, – на страны отправки. В реальности *«очень многие работают в тех сферах, где русский язык совершенно не требу-*

36 Обзорное гендерное исследование для Программы «Развитие Малого и Среднего Бизнеса в Алае и Чон-Алае. 2015, ПИЛ – Хельветас.

37 Сорорат – это обычай, по которому мужчина вступает в брак одновременно или последовательно с несколькими родными или двоюродными сестрами жены. Такой брак заключался как во время супружества, несмотря на то, что жена ещё жива, так и после её смерти (Википедия).

ется, то есть, если ты работаешь на стройке, ты можешь быстро выучить терминологию общую какую-то и работаешь. В этом плане очень много иммигрантских сетей и, когда работают бригадами, ты можешь работать с родственниками, которые знают язык и, которые тебе помогают.³⁸ ...В Чехии есть вьетнамцы, их привезли 40 лет назад, и многие из них не знают чешского языка, но спокойно работают и спокойно живут, и спокойный у них статус. Ну, они – граждане, но не знают языка. Поэтому, в этом плане проблема есть в дискриминации, в шовинизме и в том, что над такими людьми, которые не знают русского языка, можно сделать все, что хотят в плане полиции, проблема есть местного сообщества к людям, которые не говорят на титульном языке. Основная проблема – это отношение российских служб к миграции, которая также во многом зависит и от отношения самого общества к трудящимся мигрантам».

Высказанная экспертом из РТ позиция созвучна выводам исследования В. Малахова, среди которых утверждения о том, что:

1) **вопрос интеграции мигрантов актуализируется политическими группами интересов в политических целях.** Автор книги по интеграции миграции говорит: «Функционируя в сфере политики, термин «интеграция» является частью политики. А политика есть сфера, в которой идет борьба за власть, в том числе за власть над «именами». За монополию на название. Считать ли того или иного индивида/группу людей достойными равного обращения или, напротив, отказать им в полном доступе к социальным ресурсам на основании их «недостаточной интегрированности»? Ответ на этот вопрос зависит не столько от объективных показателей интеграции, сколько от субъективной оценки – разной у разных участников политического процесса».³⁹

2) использование термина **мигрант \ иммигрант** (а тем более «нелегальный мигрант») некритично подразумевает гомогенные массы, но в реальности выделить аналитические и практические категории «своих» и «чужих» не представляется возможным.

3) **абсолютно неинтегрированных или абсолютно интегрированных мигрантов не существует, Малахов говорит:** «С момента, когда индивид попадает на территорию той или иной страны, он уже в некотором отношении интегрирован – в экономическую цепочку, в круг родственников и знакомых, в «этническую сеть» или в землячество, в систему социальной поддержки со стороны государства или НПО (если речь идет о беженцах) и т.д.»⁴⁰, то есть речь всегда идет о том, в каком из полей\ систем общества мигрант включен и в каком – исключен.

Ученый Малахов резюмирует по опыту реализации интеграционной политики западных стран, что оценить **эффективность такой политики можно через учет результатов функционального вовлечения мигрантов в четыре основные сферы общества** – занятость, систему социальной защиты, жилищную сферу и образование.

Опыт респондентов исследования свидетельствует о значительных трудностях, которые они в трудовой миграции испытывают в системе социальной защиты, в жилищной сфере и в доступе к образованию, несмотря на лояльное для трудовых мигрантов законодательство в образовательной сфере в РФ и РК. Симптоматичной представляется недавно прошедшая в российских СМИ активная дискуссия по поводу возможностей формирования сельских населенных пунктов, где компактно могут расселяться таджики или кыргызы. Дискуссия по данной теме прошла, в основном, в терминах рисков для государства и общества России от образования этнических анклавов и обвинений в желании территориальной экспансии и создания маленьких Кыргызстанов и Таджикистанов в РФ. Поводом для дискуссии послужили два факта компактного расселения таджикских⁴¹ и кыргызстанских групп⁴² мигрантов, большая часть которых уже получили российское гражданство и вышли из гражданства КР.⁴³

38 Интервью с экспертом из академической среды РТ.

39 http://www.liberal.ru/upload/files/Malahov_pp1-40.pdf (стр.38).

40 Там же.

41 <https://mir24.tv/news/16293374/tverskaya-derevnya-stala-vtorym-domom-dlya-desyatkov-tadzhikskih-semej>; <https://www.kp.kg/daily/26795.4/3829624/>; <https://www.kommersant.ru/doc/3534121>; <https://www.currenttime.tv/a/26845044.html>

42 <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/07/18/77196-esli-mordoy-ne-vyshli-tak-i-skazhite>; <http://www.tsn24.ru/postoronnim-vxod-nezhelaten-v-tulskoj-oblasti-stroitsya-monoetnicheskaya-derevnya.html>; <https://www.kp.kg/daily/26836.4/3876719/>; <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-russia-village-houses/29354390.html>; <https://ru.sputnik.kg/migration/20180518/1039233931/moskva-kyrgyzy-selo-ala-too-1-stroitelstvo.html>

43 В случае граждан РТ – они могут одновременно быть гражданами РФ, двойное гражданство РТ-РФ разрешено законодательно.

Что касается сферы занятости – функциональное вовлечение трудовых мигрантов из Таджикистана и Кыргызстана в эту сферу метафорически определил экс-руководитель ФМС Ромадановский через три D: difficult, dirty, dangerous (трудная, грязная и опасная).⁴⁴ Но сейчас все больше и больше ключевым определением рынка труда для центральноазиатских мигрантов становится прекарность труда, его особенная неустойчивость, негарантированность и нестабильность.

Высказанные оценки можно суммировать следующим образом: на государственном уровне в странах приема миграции де-факто не создается предпосылок для успешной интеграции трудовых мигрантов, и речь идет не о недостатке у мигрантов намерений и желания адаптироваться и интегрироваться в стране приема, а о неготовности структурной интеграции мигрантов.

Респонденты в ФГД высказали свое мнение о том, что даже в условиях нелояльности интеграционной политики государства расширенный брачный рынок может «удержать» и адаптировать женщин – трудовых мигрантов в РФ или способствовать дальнейшему циклу мобильности: «От каких факторов зависит, вернется ли женщина, девочка из миграции, или останется? **У1:** Ну если у девочки нет второй половинки здесь, и она найдёт там, то зачем возвращаться. Если там у нее семья. Девушка раз замуж вышла, значит она там и должны быть. **У9:** Замужество. Если, например, выйдет замуж за русского (смех). **У8:** Не русского – за турка, американца. И тогда она туда уедет». (ФГД_Бишкек_жены_мужей_мигр).

Дискуссии в ФГД и ряд интервью для изучения кейсов продемонстрировали, что для определенной категории трудовых мигрантов интеграционные процессы начались с одной из функциональных сфер и способствовали изменению культурных установок и ценностей, принятию новой культуры поведения.

Для других категорий трудовых мигрантов отмечаемые изменения миграции воспринимаются с опасениями и желанием защитить свои права на культурную идентичность, при этом используется механизм нормализации, который применяется в отношении «не эффективно интегрированных»: «**У5:** Плохо то, что живя среди русских, учатся их привычкам, забывают о своих семейных обязанностях, вот моя соседка, Шахноза – у нее двое детей, они с мужем развелись, но он только думает о своих потребностях, а она сама детей поднимает, вообще не помогает. **У10:** Всё равно заинтересовываются. Почему? Например, приезжают с России, и уже понятия другие, другое мировоззрение, стиль одежды лучше прежнего, жизнь лучше. (ФГД_Пенджикент_жен_запрет).; **У6:** Знаете, некоторые становятся черствыми, в России дома престарелых и там своих родителей они сдают, тоже самое у нас. Мужчины становятся более черствыми, проявляют неуважение к своим же родителям. **У1:** Это они сейчас воспитываются, как у русских, культуру русскую и они имеют ввиду, что можно не ехать, деньги отправляешь, например, или другие проблемы встречаются в семье, тем более встречаются. **У5:** Если вы заметили, в России живут недельку, потом с другим недельку, то же самое тенденция у нас начинает появляться, вот одна у нас развелась с мужем, с 2-мя сыновьями вернулась, замуж вышла за женатого». (ФГД_Расулов_жен-мигрантки).

⁴⁴ Эксплуатируем, при этом ненавидим. Миграция 21 век. №1, июль 2010.

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ИНФРАСТРУКТУР МИГРАЦИИ НА ТРАЕКТОРИИ СУДЕБ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК ИЗ РТ И КР, ЗАТРОНУТЫХ МИГРАЦИЕЙ

ТРАЕКТОРИЯ СУДЬБЫ МИГРАНТКИ: ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО ИНФРАСТРУКТУРАМИ ИЛИ ОПРЕДЕЛЕНО САМИМ ЧЕЛОВЕКОМ?

Мир девушек и женщин в КР и РТ до миграции очень сильно «завязан» на семье и местном сообществе, зачастую ограничен ими. Как в любой патриархатной культуре в гендерном режиме кыргызского и таджикского обществ огромное значение имеет «сохранение репутации». Что является особенно важным в отношении женщин. И под этим термином принято понимать оценку соответствия поведения и образа женщины или мужчины идеальным гендерным ролям. Любое отклонение от нормы чревато стигмой и социальной изоляцией. В настоящем исследовании респондентки из РТ не раз говорили о репутации: например, женщина – сирота, без образования и на грани развода с мужем – трудовым мигрантом мечтала, что если бы ее не бросила ее мать – мигрантка, девушка смогла бы получить образование, получить профессию, работать и кормить свою семью. И, главное, сохранить свою репутацию.

Как отмечала в статье по вопросам гендерного режима в таджикской семье российская ученая А.Темкина, структуры, организующие жизнь женщин и мужчин в РТ, устойчиво патриархальны, что включает гендерную сегрегацию подростков и детей, организацию брака старшим поколением, жесткий контроль над женщинами со стороны старших и мужчин.⁴⁵ Справедливость и актуальность выводов указанного исследования А.Темкиной, проведенного 14 лет назад, подтверждает Страновая Гендерная оценка Таджикистана, проведенная АБР в 2016 году, утверждая, что «несмотря на изменения в гендерных ролях в семьях мигрантов, нет никаких сомнений в том, что большая часть управления в домохозяйстве остается в руках мужчин».⁴⁶

Исследование «Гендер в восприятии общества» в КР⁴⁷ свидетельствует о значительном социально-экономическом неравенстве сельских и городских женщин и девочек и высокой доле домохозяйств, в которых доминируют традиционные консервативные гендерные нормы.

Респондентки нашего исследования зачастую указывали на дефицит собственных властных полномочий в семье, признавая, что не вправе самостоятельно принимать решения о своем будущем, в частности – о миграции за пределы республики. Как указывает одна из респонденток в ФГД (жены мужей, уехавших в миграцию) г.Ош КР: «Если (женщина) замужем, то муж решает, если еще не замужем – родители несут ответственность и решают, ехать ей, или нет».

Траектории мигрантской судьбы может складываться из «железной решетки» необходимостей: некоторым даже не приходится выбирать место назначения миграции, и в миграцию они не хотели ехать – жизнь сложилась так, и другого пути общество не предложило.

Существуют разные пути переезда из одной страны в другую: и другие женщины таджички или кыргызки могут выбрать кратчайшие пути посредством авиа-перевозок, бизнес-классом, зато третьи могут добираться до границ страны назначения «на перекладных», и переходить сами пограничные пункты пешком. Каждый путь имеет свои временные, стоимостные характеристики, и представляет собой разные возможности комфорта и безопасности, имеет свой тип субъекта мобильности. Например те, кто летают из одной страны в другую бизнес-классом, проходят по «зеленым» коридорам, их встречают корректные сотрудники постов, услуги по обеспечению «входа» в страну оказываются профессионально, и они уезжают на специально ожидающих их

45 «Подчинением старшим» vs разрушение патриархата: женская сексуальность в браке (Северный Таджикистан). Журнал исследований социальной политики. 2004 №4, стр. 439.

46 <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/212096/tajikistan-cga-ru.pdf>, на основе исследования Таджикистан: Роль и положение женщин в домохозяйствах мигрантов.

47 https://kyrgyzstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/GSPS_Russian_Final%20report.pdf

машинах премиум-класса. Неслучайно американский исследователь Лассен назвал таких мигрантов «аэромобильной элитой».⁴⁸

Бедные мигранты, выбирающие наиболее «дешевые» пути переезда из страны в страну, имеют другие реалии в точках перехода: длинные очереди ожидающих пересечения границы, столкновение с требованиями (законными или не законными) представителей пограничных, правоохранительных, таможенных и иных структур, коррупционные и риски дискриминации и насилия, а при крайнем стечении обстоятельств мигрант может быть разлучен с сопровождающими близкими людьми и \ или не быть пропущенным в страну назначения (возвращен с границы или после краткой процедуры «судебного процесса»). Таким образом сами точки перехода (пограничные посты в аэропортах, наземные, морские порты) выступают инструментом селекции, и определяют возможности мобильности и даже дальнейшие стратегии мигрантов, проходящих через них.

Для подавляющего большинства респонденток ФГД обсуждение повседневных маршрутов по городу и связанных с ними для трудового мигранта рисках оказалось очень близкой и волнующей темой. Женщины рассказывали, что станции метро или остановки общественного транспорта зачастую тоже превращаются в своеобразные пункты перехода – из более рискованного пространства в менее рискованное, приближение к жилью, которое дает определенные степени защищенности.

Механизм «функционирования» точек перехода (государственной границы в данном случае) определяет целый спектр факторов: существующие нормы и процедуры закона, практики правоприменения, политическая конъюнктура, ценности и нормы конкретных исполнителей – сотрудников постов, знание своих прав \ платежеспособность мигранта и др.

В настоящем исследовании на основе полевых данных для анализа были выделены и изучаются шесть различных компонентов инфраструктуры миграции и их воздействие на миграционные потоки, возможности мобильности, а также на перспективы интеграции женщин и девочек, трудовых мигрантов в принимающем сообществе:

- **Регулирующие (компоненты) инфраструктуры** – могут быть определены как разрозненные институты, политики и дискурсы, которые превращают миграцию в «объект статической политики».⁴⁹ К этим инфраструктурам мы относим государственный аппарат и процедуры документирования, лицензирования, обучения и другие. Сюда включаются не только государственные субъекты, но и более широкий круг участников. Оттого, насколько они различают гендерную специфику миграции, насколько они ориентированы на учет потребностей разных групп зависит, будет ли сформулирована категория женщин и девочек – трудовых мигрантов из РТ и КР, и определен режим их пребывания в миграции.
- **Коммерческие (компоненты) инфраструктуры** миграции появляются в местах, где не достает определенных физических инфраструктур, а относительно дорогостоящая работа в изобилии там, где потенциальные выгоды превышают издержки. К таким инфраструктурам в первую очередь можно отнести рекрутинговые агентства, в том числе ЧАЗы, индивидуальных посредников в поиске работы или жилья, фонд арендуемого жилья и арендодателей. Миграционные брокеры не просто продают возможности для миграции за границей, но также имеют дело с различными компонентами инфраструктуры. Сюда входит, например, сбор документов, организация медицинских тестов или обучение перед отъездом. Все это в дальнейшем имеет серьезные регуляторные последствия. Вовлечение женщин и девочек – трудовых мигрантов в деятельность миграционных брокеров и повышение их безопасности и защиты прав возможны уже на этом уровне.
- **Технологические (компоненты) инфраструктуры** – наиболее очевидный элемент миграционной инфраструктуры. Сюда относятся коммуникационные и транспортные инфраструктуры, которые играют ключевую роль не только в содействии вербовки мигрантов, но и в изменении связи между мигрантами и их близкими, их сетями. Зачастую развитие инфраструктуры регулирующей инфраструктуры сопровождается развитием технологиче-

48 Lassen, Claus. Aeromobility and work. In: Environment and Planning A, Vol. 38, No. 2, 2006, p. 301-312.

49 Biao Xiang, Johan Lindquist. Migration Infrastructure. International Migration Review. Volume 48 Number S1 (Fall 2014): p. 123.

ской. Например, введение нормы биометрического документирования неизбежно приводит к формированию системы хранения данных и обмену этими данными в международном масштабе, а также к облегчению процедур миграции и усилению возможностей контроля, получателями чего могут стать и женщины и девочки – трудовые мигрантки из ЦА.

- **Гуманитарные (компоненты) инфраструктуры** складываются благодаря транснациональным сетям взаимодействия и финансирования для распространения норм прав человека, обращений в структуры по защите прав и адвокации через дискурсы страдающих. К этим инфраструктурным компонентам относятся правозащитные и другие НПО и международные организации, работающие по защите прав мигрантов и противодействия торговле людьми. Зачастую сюда также относятся и медиа, которые призваны актуализировать и демонстрировать злоупотребления в отношении мигрантов, стимулируя правовой ответ на них. Сайты типа <http://jerdesh.ru>, оказывающие услуги в поиске работы, жилья, соответствующих медицинских клиник и пр., позволяют женщинам и девочкам – трудовым мигранткам, более эффективно адаптироваться и интегрироваться в разные сферы и пространства принимающего сообщества.
- **Культурные (компоненты) инфраструктуры** определяются традициями и легитимными практиками, позволяя мобильность одних категорий мигрантов и определяя характер отношений и связей их с другими категориями мигрантов и не мигрантов, остающихся на родине. Так, в ряде сегментов рынка труда домашних работников в Татарстане и Башкирии спрос на домашних работников – мусульманских женщин оказался выше, чем на кандидатов другой религиозной идентичности. Соответственно, значительные массы трудовых мигрантов женщин были стимулированы маркировать свою внешность в качестве верующих мусульманок (надевая хиджаб, например).
- А также **социальные (компоненты) инфраструктуры**, включающие сети и семьи мигрантов, которые работают для организации контроля, защиты мигранта и пр., помогают получить доступ к услугам здравоохранения, образовательным услугам этнических клиник, садов и пр.

Важно отметить, что указанные типы инфраструктур на самом деле – не четко фиксированные и разделенные структуры, но тесно взаимодействующие и переплетающиеся логики действий, и в своем взаимодействии они определяют тренды миграционных настроений и практик. Например, по мере роста количества правил и регуляций миграционной политики и практики в стране назначения, там увеличиваются издержки трудовых мигрантов по трудоустройству и легальному пребыванию. Например, ликвидация ФМС РФ в 2016 году и передача ее полномочий Главному управлению по вопросам миграции МВД спровоцировала четырехкратный рост нарушений прав мигрантов, считает правозащитница Валентина Чупик.⁵⁰

Увеличение издержек связано с развитием целого ряда посредников, которые предлагают возможность смягчения \ обхода некоторых правил и сложных процедур. Примером таких посредников, например, выступают ЧАЗы в стране отправки трудовых мигрантов. Характер предложения, качество услуги ЧАЗов как посредников меняется вместе с изменением нормативного поля и в стране назначения, и в стране отправки. Чем выше уровень безработицы и спрос на работу в стране отправки, чем выше экономические выгоды посредничества. Чем менее квалифицированные работники намерены мигрировать в ответ на спрос рынка труда,⁵¹ тем больше коммерческих посредников – юридических и физических, легальных и нелегальных – начинают посредничать в трудоустройстве мигрантов за рубежом.⁵²

50 <https://www.svoboda.org/a/29352834.html>

51 Если спрос идет на квалифицированных работников, то знание и навыки кандидатов позволяют им самостоятельно, без посредников, используя технологические средства, выходить на работодателей.

52 Такая же тенденция складывалась и в других странах. Примером может служить Индонезия. Хотя получение брокерских денег за услуги трудоустройства женщин в качестве домашних работников за рубежом не предвляло отъезд мигрантки и создавало риски неуплаты, но давление безработицы на фоне экономического кризиса привело к росту количества лицензированных рекрутинговых компаний и неофициальных брокеров. В 1995 году насчитывалось менее 50 лицензированных рекрутинговых компаний, которые ежегодно отправляли около 200 000 рабочих за границу, а к 2007 году 500 рекрутинговых компаний ежегодно отправляли около 700 000 рабочих за границу (подавляющее большинство в Малайзию и Саудовскую Аравию). Иными словами, количество лицензированных рекрутинговых компаний выросло в три раза быстрее, чем сама миграция. подробнее см. Biao Xiang, Johan Lindquist. Migration Infrastructure. International Migration Review. Volume 48 Number S1 (Fall 2014): p. 128-129.

Отсутствие рынка жилья, предоставляющего необходимые по законодательству документы и услуги, приводит к образованию разнообразных схем и структур посредников. В России, например, это могут быть граждане РФ, бывшие соотечественники трудовых мигрантов, которые в субаренду сдают «койко-места» в арендованной ими квартире, получая при этом экономические выгоды (в виде прибыли «кэш», или получения в итоге оплаченного субарендаторами собственного «места проживания»); это может быть и нахождение неучтенных государственными органами пространств, где можно организовать свой быт (одна из респонденток рассказывала, как целая группа граждан КР жила более полугода в заброшенном, «под снос» здании туберкулезного диспансера в Красноярске), это могут быть и инициативы работодателей, которые в стремлении максимизировать свою прибыль, увеличивают рабочий день до предела, и эксплуатируемые работники живут прямо на рабочем месте, за что работодатель может еще и урезать зарплату. Российская исследовательница В. Пешкова⁵³ отмечает в своей работе «Формирование коммерческих инфраструктур миграции в ответ на проблемы с доступом к жилью для мигрантов из ЦА»: «В последние три-четыре года рынок посреднических услуг также дополнился мигранто-ориентированными агентствами недвижимости. Некоторые киргизские агентства недвижимости выросли из деятельности одного мигранта, который находил жилье себе, потом своим знакомым соотечественникам, – так формировалась клиентская база и создавались агентства недвижимости».

Изучение характера функционирования этих коммерческих инфраструктур позволяет увидеть связи между мобильностью и имобильностью человека, властные отношения, которые неравномерно распределяют подвижность мигранта. Трудовые мигранты из КР или РТ в Турции не живут так скучено: сами регулирующие инфраструктуры определяют иной режим: значительная часть трудовых мигрантов – женщин из ЦА, едут работать в сферу домашних услуг, и получают работу с местом проживания, что определено и режимом труда, и ценностными установками работодателей, и требованиями закона об ответственности работодателя. Но даже трудовые мигранты в других сферах труда в Турции не могут организовывать в целях экономии «резинковые» квартиры, потому что съемные квартиры расположены в кондоминиуме, в котором каждый жилец осуществляет контроль за жилищными ресурсами. В сфере услуг в Турции представлена другая конфигурация легального проживания трудовых мигрантов – при отелях, где они и работают.

Оформление разрешительных документов воспроизводит мигрантку с урегулированным статусом, либо в качестве нарушителя миграционного режима. Одна из респонденток исследования⁵⁴ объясняет, почему она и ее коллеги вынуждены были все время оказываться в недокументированном положении в российской миграции: *«Когда у тебя нет денег, как ты можешь за один день оформить документы. Сколько раз мы едем, у нас нет документов. Начальников просим, вначале выдайте нам деньги, мы оформим документы, потом высчитайте с зарплаты. Нет, на второй день нас забирают в милицию, на 4 тыс. руб. штрафуют. Потом грузин вынужден был оплатить штраф. Мы с ним не один год работаем, и приносим ему прибыль. Каждый год мы приезжали и работали с ним. Он нам высылал деньги на билет».* Другая респондентка⁵⁵ объясняла, что оказаться в списках запретников можно и вопреки своей законопослушности: *«У1: В данный момент в России проводится чемпионат и беспричинно депортируют. М: Без каких-нибудь причин? Все документы на руках? У1: Бывает и всё в порядке с документами, или остаётся 2-3 дня до истечения срока документов».*

Формирование системы произвола с документированием мигрантов в стране приема и барьерами к законопослушной и легальной трудовой миграции породило формирование системы альтернативного документирования на родине мигрантов, как механизма адаптации. Мигранты из РТ или КР, получившие по разным причинам запрет на въезд в РФ (или, реже – РК), приезжая на родину меняют имя, фамилию, а также все документы, удостоверяющие личность. В обеих странах сложились посреднические структуры, которые организуют процесс по смене имени и документов. В Таджикистане, по мнению респондентов, этот процесс носит массовый характер, и получил квазигальность, принося официально в бюджет ведомств дополнительные средства (Министерство образования РТ меняет аттестаты, ЗАГС переписывает свидетельства о

53 Пешкова В. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве). Мир России. 2015. № 2, стр. 129-151. <https://mirros.hse.ru/article/download/4937/5302/>

54 ФГД_Гиссар+Яван_жен-мигрантки.

55 ФГД_Бохтар_один_жен-мигран.

Врезка

Кейс Р* : история успешной культурной колонизации

Р*, 35 лет, родом из г.Оша, уже шесть лет возглавляет салонный бизнес в Бишкеке. Она представляет свой опыт долгосрочной семейной миграции в Москву исключительно в позитивных тонах. Р* считает, что 3 вещи могут описать ее успешную жизненную карьеру в миграции: 1) вся жизнь была полна закономерных событий, профессиональный опыт на родине неслучайно подготовил ее к российской миграции, потому что она работала в паспортном столе и сталкивалась с вопросами документирования, 2) ей везло и везет по жизни, но везение – заслуженное, потому что она, Р*, общительная, грамотная и, главное, – очень хорошо, без акцента, владеет русским языком 3) внешне, по ее мнению, она и ее муж не похожи на азиатов, они светлокосые. Сторонний слушатель мог бы добавить: не азиатское у Р* и имя...

Р* считает: «В первую очередь это внешность. (Смех). Нет, просто светлые, из-за этого. А наши то остальные все да... Сначала смотрят на внешность, потом начинают с тобой разговаривать. Понимать, кто ты есть».

Первое рабочее место, как и большинство наших мигрантов, Р* нашла через своих соотечественников. Как она вспоминает, в 2006-2007 году еще трудно было кыргызстанцам претендовать на какие либо профессиональные ниши труда и она, несмотря на наличие диплома о высшем образовании, опыта работы в коммерческих банках, была готова начинать с уборщицы магазина. Но на собеседовании она смогла понравиться менеджеру, и получила работу кассира. За шесть лет работы в Москве с перерывами на рождение детей Р* смогла получить много новых профессиональных навыков и умений: бармена, администратора салона красоты, специалиста по маникюру.

Сейчас, оглядываясь назад, Р с мужем вспоминают только все самое лучшее – кажется, в миграционном прошлом у нее и ее мужа не было тяжелых времен. Р* считает, что проблем адаптации и интеграции в России ей испытывать не доводилось.

Настоящие сложности интеграции им пришлось пережить по возвращении: открытие бизнеса потребовало взаимодействия с коррумпированными госорганами. Сотрудники, привлеченные ею к работе, оказались неблагодарными и ленивыми. А еще – ритм, скорость жизни: Москва – «столица мира», где жизнь стремительно бежит, конкуренция бешеная, а столица своего государства – Бишкек – «большая деревня», где ничего не происходит. А уровень жизни сравнить невозможно – небо и земля. По возвращению на родину Р* и ее муж не стали возвращаться в Ош, а обосновались в Бишкеке. Они сильно изменились за время миграции. Например, традиционные формы взаимодействия с родственниками – шерине, они решили не поддерживать (Р* сказала о бессмысленности таких посиделок).

Р* говорит, что Москва затягивает, и она мечтает, что они скоро вернутся в Москву всей семьей. Ждут...

браке, паспортные столы – свидетельства о рождении и паспорта). Процесс по ре-документированию отработан на практике лучше, чем первичное (легальное) документирование, что обуславливается готовностью обратившихся платить за эти услуги. Поэтому модель поведения недокументированных мигрантов из обеих стран необходимо понимать исходя из наличия таких коммерческих инфраструктур и невозможности урегулировать статус мигранта в стране назначения правовым способом. Как отмечает одна из экспертов, «к депортации у таджиков зачастую складывается инструментальное отношение – те, для кого важно уехать повторно, знают о возможностях обхода запрета, а те, кто не собирается в скором времени ехать вообще, не задумываются над этим вопросом. К последней категории относятся, в частности, бабушки, которые съездили к детям и внукам в Россию, и были депортированы».

В ходе ФГД несколько респондентов в РТ заявляли, что получили возможность повторной миграции благодаря таким компонентам инфраструктур, или намерены обратиться за такой помощью:

*«Я была депортирована. Теперь мне нужны новые документы, чтобы перейти на фамилию родителей или кого-нибудь из родственников. Сейчас нужно много денег для того, чтобы поменять документы».*⁵⁶

Наиболее частые проблемы трудовых мигрантов были связаны с недобросовестностью работодателей, тяжелыми условиями труда и трудовой эксплуатацией, с неадекватностью трудовой миграции к семейной миграции и к миграции женщин (гендерно дифференцированные практики съема – сдачи жилья в аренду). Несмотря на существующую проблему владения русским языком, большинство респондентов не отметили вопросы обучения, тестирования, и лишь однажды в ФГД были сеговования о непризнании дипломов о профессиональном образовании, выданным в РТ. Рациональность такого восприятия становится понятна с учетом спектра предлагаемых рабочих мест, не требующих квалификации и знаний, а также зачастую и возможность выполнять неквалифицированную работу без знания русского языка. Вместе с тем в рамках глубинных интервью (интервью для кейсов в КР и с экспертом в РТ) обозначилась важная тенденция, отражающая адаптацию и адаптивность трудовых мигрантов к культурной среде страны приема.

Некоторые трудовые мигрантки считают, что больше шансов у городских образованных женщин из Бишкека или Душанбе. Они отвечают на ожидания граждан страны приема, что им следует приезжать уже культурно ассимилированными, стирая свои национальные идентичности, произведя из себя уже на родине «культурного» мигранта, чтобы внешне не выбиваться из общей массы. Усвоение этого ожидания и следования ему расценивается как рецепт успеха для мигрантки. Так, одна

⁵⁶ ФГД_Бохтар_один_жен-мигран.

из респонденток в Бишкеке говорила об опыте миграции, как самом успешном и беспроблемном этапе своей жизни, объясняя это везением, основанным на том, что она «выглядит непохожей на кыргызку», одевается по моде и говорит на русском абсолютно без акцента. Другая бишкекская респондентка также была очень горда, что будучи метиской, она не похожа на азиатку, и в России ее часто принимали за местную.

Несмотря на актуализацию медиа-дискурса о правах мигранта и их защите силами именно правозащитников и НПО, компонент инфраструктуры миграции еще не получил значимого развития. Примечательно, что правительства, как субъекта гуманитарных инфраструктур, нет. В этой связи симптоматична дискуссия вокруг так называемых этнических анклавов в России: речь идет о медиа спорах вокруг «таджикской» деревни в Тульской области и еще даже не построенной «кыргызской» деревни Ала-Тоо в Тверской области. Медиа-каналы представляют диаметрально противоположные позиции, говоря с одной стороны о неизбежном этапе «солидаризации» этнических меньшинств и, с другой стороны, признавая выигрышность коллективных форм адаптации к инокультурной среде. Позиция российского правительства (во всяком случае местных управленцев) видна в действиях и бездействии. Но правительства КР и РТ в вопросах защиты прав собственников земли и жилья в РФ себя никак не проявляют. Все эти практики складывают отношения (не) доверия к разным субъектам в странах отправки и приема, и воспроизводят трудового мигранта как «подходящего» и безопасного.

ЭТНИЧЕСКИЕ СЕТИ КАК КОМПОНЕНТ ИНФРАСТРУКТУРЫ МИГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Стратегии выезда в миграцию для кыргызстанских и таджикских девушек и молодых женщин различны: первые могут ехать в одиночку, вместе с родственниками, подругами, знакомыми, тогда как выезд таджикских осуществляется исключительно в сопровождении родителей (матери или отца), близких родственников (братья или старшие замужние сестры в составе своей семьи и пр.). Более далекие связи не могут выступать «гарантами» сохранения чести и репутации таджикской девушки, и не признаются сообществом в качестве легитимных.

В миграции девушки и женщины из КР и РТ попадают прежде всего в своеобразные этнические сферы, в которых социальный капитал воспроизводится через механизмы.⁵⁷

- ожидание поддержки от «своих» групп («чувство принадлежности»), влияющее на поведение трудового мигранта и укрепление групповых норм и ценностей;
- последствия обладания социальным капиталом – в виде привилегированного доступа к информации и другим ресурсам
- социальные сети – контекст ресурсов и влияния.

Анализ этих сетей позволил выделить типы социального капитала: (1) **связующий** для членов сетей, имеющих общую идентичность, видящих друг друга похожими (например, сильные семейные связи, основанные на доверии и взаимности); (2) **соединяющий** людей, знающих о своем несходстве с точки зрения статуса или идентичности.⁵⁸

Жизнь в миграции позволяет трудовым мигрантам сочетать связывающий и соединяющий социальный капитал за счет воспроизводства общения, взаимодействия с собственной этнической группой и установления контактов и общения с этническими группами принимающего общества. В таблице ниже суммированы обобщенные высказывания респонденток фокус групп и экспертов настоящего исследования по поводу изменений характера и качества общения со «своей» и «чужой» группой, а также получаемых ресурсов от такого общения.⁵⁹

Таблица 2. Социальный капитал мигрантов

57 <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnyy-kapital-kak-kontsept-i-fenomen>

58 Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

59 В приложении таблица дана со всеми цитатами из фд дискуссий и интервью, в которых респондентки характеризуют представленные категории отношений.

Связывающий социальный капитал			Соединяющий социальный капитал		
Этнические контакты с родной	Участие в мероприятиях \ организациях этнических групп в миграции	Социальные ресурсы от этнических групп	Этнические контакты с принимающим населением	Участие в мероприятиях \ организациях с принимающим населением	Социальные ресурсы от принимающего населения
Семья всегда поддерживает – тылы мигрантов крепкие, если есть родители и единокровные сестры.	Регионализм и трайбализм социальных сетей: систематические «мероприятия», организованные для членов сетей.	Поддержка соотечественников в миграции: - за деньги, - недобросовестная (документирование – риски депортации из-за фальшивок), - обещания помощи от соотечественников = обман.	Дискриминация: - на рабочем месте, невозможность быть оцененной по заслугам; - запрет на коммуникацию на родном языке в публичном пространстве; - в доступе к услугам = как барьер к интеграции в принимающее общество; - риски коррупционных наездов полиции.	Вынужденное участие и подражание поведению граждан принимающего общества как стратегия достижения равенства в трудовой нагрузке и справедливой оценке трудового вклада.	Представители принимающего общества бескорыстно и милосердно (в отличие от соотечественников) помогают мигрантам в ТЖС.
Негативная цена миграции: - страдание детей без родителей, - потеря ребенка (физическая или моральная), - невозможность поддержать сети, - разрушение отношений с родителями и супругов.	Этнический брачный рынок в миграции может быть выгодным для семьи \ приводит к потерям женщины. Женитба как инициация женщины и основание для отъезда в миграцию. Роль мобильной связи в разрушении супружеских отношений. Мобильная связь как дополнительный канал контроля и общественного давления.	Бесплатные услуги по содействию трудоустройству \ поиска жилья – этнические связи \ соседские \ родственные. Структуры защиты прав мигрантов в случае нарушения: посольства и гражданские активисты.	Наиболее интегрированные в принимающее общество прерывают связи с соотечественниками. Доступ к услугам без препятствия: - к медресам, - к правосудию, - труду и честным трудовым отношениям. Отсутствие доступа к услугам: на свободный труд и правосудие.		Без владения языком принимающего сообщества даже помощь может обернуться катастрофой для мигранта

Изучение особенностей соединяющего социального капитала свидетельствует, что:

- контакты с принимающим населением в большей мере имеют характер дискриминационных, они ограничены и зачастую связаны с коррупцией. Помимо прямых дискриминационных практик – таких как оскорбительные прозвища со стороны коллег и руководства, несправедливость в оценке труда мигрантов на рабочем месте, вымогательства и нарушение законных прав мигрантов на оплату труда, есть и символические формы насилия: запрет на коммуникацию на родном языке мигранта в публичном пространстве, наделение мигрантов русскими именами для удобства местного населения и пр.;
- взаимодействие с провайдерами принимающего сообщества нормативно определено не четко: даже когда есть законные основания на получение услуг, помощи, в официальных структурах все зависит от личности и степени субъективной толерантности к поликультурному аспекту трудовой миграции;
- трудовые мигранты почти не включены в мероприятия окружающего принимающего населения, помимо ограниченных форм имитации поведения принимающего населения. Одним из объективных барьеров респонденты признают отсутствие языковой компетенции, не владение языком принимающего населения;
- небольшие группы трудовых мигрантов – женщин, которым удается интегрироваться в среду принимающего населения, стремятся полностью отказаться от прежних связей и образа жизни;
- есть несколько свидетельств о бескорыстной помощи и милосердном поведении граждан принимающей страны по отношению к трудовым мигрантам из РТ и КР в ТЖС.

Помощь этнических сетей в нахождении работы и жилья

Этнические сети являются первыми и наиболее важными миграционными посредниками для трудовых мигрантов – мужчин и женщин. Режим отношений этнических сетей и мигранта, близость этнических сетей – эти аспекты имеют решающее значение в отношении с мигрантом. Самыми доверительными считаются родственные сети. Только наличие ближайшей родни в миграции стало причиной для многих респондентов нашего исследования их личной трудовой миграции. Как подчеркнула одна из респонденток: *«Двое моих сестренок работали там. Они позвонили и сказали, что есть хорошая работа, «можете ли вы приехать? Мы не устроим вас на тяжёлую работу. Мы будем за вами присматривать, вы работайте». ... Я уехала, и жизнь намного улучшилась. Я решила все свои недостатки». (ФГД_Пенджикент_жен_запрет)*. Такой же опыт озвучила другая респондентка: *«Мой братишка первым (поехал), в 2010 году. Он проработал два года и сказал: здесь работа есть, можно зарабатывать – приезжайте. Я поехала и хорошо поработала. Но там уверенность, это родной человек, тебя не обманет, на улице не оставит. Была уверенность, что встретит, устроит». (ФГД_Кант_одинок_жен_дев_мигр_работали)*.

Даже отдаленные этнические сети эффективны в организации помощи в поиске жилья и/или предоставления краткосрочного места пребывания. *«...в Москве жила сначала у родственников, у них уже свое жилье тут, они давно переехали, насовсем. Я у них жила долго, почти год. Дальше пришлось уже самой, уже они не скрывали, что не хотят». (ФГД_Бишкек_жены_мужей_мигр)*; *«У некоторых есть дома, снимают квартиру. Например, родственники помогают, братья друг другу помогают, пока не найдут определенное место жительства». (ФГД_Пенджикент_жен_запрет)*. *«Идут на рынок. Там полно таджиков. Они говорят, нам вот такие-такие нужны». (ФГД_Гафуров_один_жен)*.

Однако большинство респонденток обеих стран взаимодействие со «своими» этническими группами по регистрации и урегулированию статуса трудового мигранта в большинстве подвергают критике. Почти во всех ФГД и в РТ, и в КР, женщины говорили о коммерциализации этнических структур – посредников в документировании, о том, что они основаны на обмане :

«Платно есть люди – узбеки или таджики – они представляют себя менеджерами этой компании или же с этого магазина, он тоже мигрант, у него даже нет гражданства, вот они помогают, они берут деньги за это. Они скажут вначале (сколько платить). (ФГД_Расулов_жен-мигрантки); «В Москве прилетаешь, тебе дают миграционную, в течение семи дней ты идешь в ФМС. Там есть посредник, который может тебя и обмануть, и сделать за деньги. Обычно все мы делаем так, заезжаем, даем деньги, и они нас обманывают. Таким путем легче. А когда ты сама идешь – бегаешь, то есть ты уже должна выйти на работу, средств нету. Кыргызы кыргызов обманывают, короче (смех) (ФГД_Кант_одинок_жен_дев_мигр_работали).

Эмоциональная и практическая поддержка этнических сетей

Особенно ценится респондентками эмоциональная составляющая семейных связей: «**У1:** Меняется отношение к родным, родителям. То есть ты, если уезжаешь отсюда, какая-то озорная, приезжаешь, понимаешь цену их отношения. То, что вдали их нету. Их не может никто заметить. Меняется отношение к окружающим. **У6:** Мы, когда приезжаем в Кыргызстан, понимаем что это стоит. Даже вода родная ценнее, мы за своей водой скучаем. И за родителями. Образ мыслей меняется». (ФГД_Кант_одинок_жен_дев_мигр_работали).

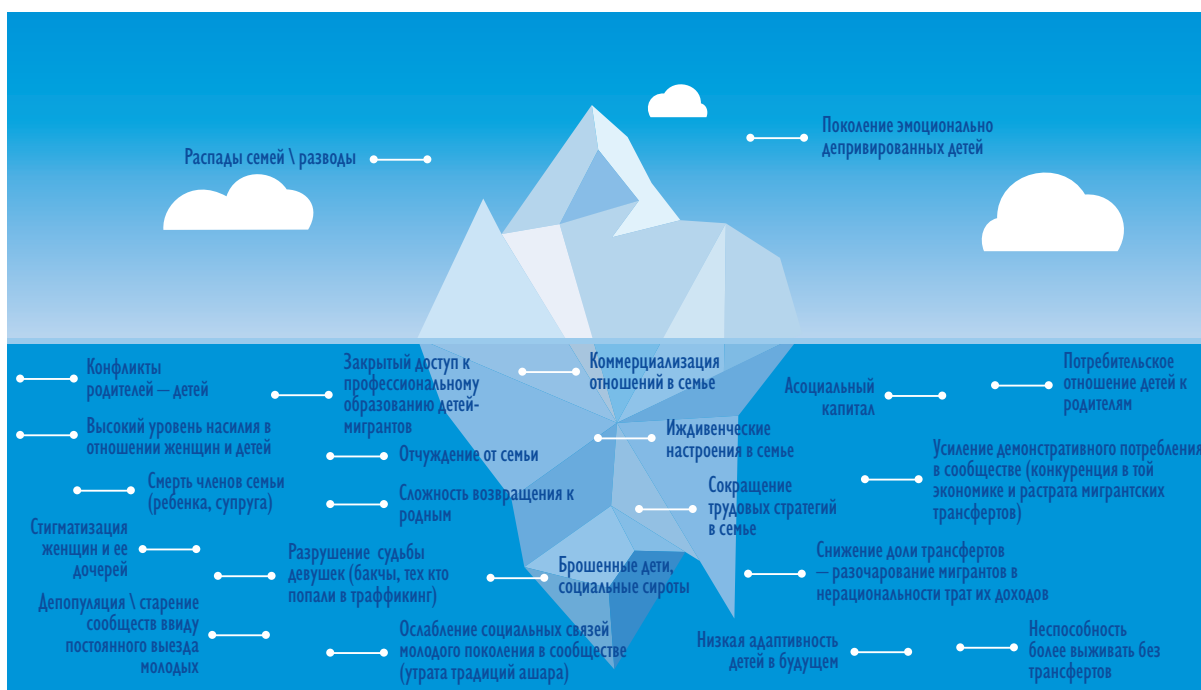
Особенно важной представляется для респонденток роль семьи в преумножении результатов мигрантского труда, вклад семьи в рациональное использование трансфертов в интересах самого респондента. «Находите того человека, кто бы начал строительство дома в ваше отсутствие, и такое есть, брат или братишка, или свёкр со свекровью»; «Я им деньги высылала, а они даже не тратили, себе ничего не брали. Папа мой сам дом мой строил. Я же думала, что им помогаю, они говорили, что лучше жить стали, а когда вернулась – у меня дом построен».

Зачастую оценки респонденток совпадают со стереотипными ожиданиями, «нормами» семейных отношений: так, чаще всего «собственные» родители предстают в оценках в виде бескорыстных и безусловно любящих, жертвенных людей, которые ставят интересы своей дочери выше собственных интересов, в то время как «его» (супруга) родители наоборот меркантильны, несправедливы, не заинтересованы учитывать потребности мигрантки – невестки, зарабатывающей средства для их же семьи. Лишь единично респондентки представляли своих свекровь, свекра и других близких родственников мужа как любящих и заботливых, по-настоящему «родных»: «Дети плакали по телефону, свекровь мне как мама, даже она каждый раз плакала и просила вернуться обратно. Мой муж говорил, что это твоя мама, а не моя. Смотри, ей как жалко тебя, а обо мне вообще не беспокоится. Сердца детей каждый раз таяли». (ФГД_Гафуров_один_жен).

В то же время миграция оказывает на семейные сети негативное влияние, и частота и интенсивность общения, доверие могут в этих сетях постепенно исчезать. Так, некоторые респондентки признались, что отношения с родными становятся более отчужденными, невозможность присутствовать на значимых событиях семьи отдаляет трудового мигранта от семьи, а членов его семьи – от него. «С родителями уже отделяешься. Отделяешься от них – как чужой человек становишься. Не чужой, но уже не настолько близко, из-за того что далеко и долго там». (ФГД_село_Кунтуу_5).

По мнению респонденток то, что в обществах РТ и КР активно обсуждается негативное влияние трудовой миграции на семейные отношения в двух ключевых аспектах (рост числа разводов и увеличение количества эмоционально депривированных детей) отражает лишь верхушку айсберга (см. рисунок). На самом деле эти последствия означают многообразные воздействия как на членов семьи, так и на более широкие группы сообществ. Так, высылаемые трансферты, по мнению респондентов, могут формировать иждивенческие настроения в семье, члены семьи могут не понимать цену заработанным мигрантским трудом деньгам, и вступать в состязание в сообществе в организации тоев и ашей, что приводит к разочарованию самих мигрантов и постепенному сокращению высылаемых денег.

Рисунок 2. Айсберг негативных последствий трудовой миграции женщин КР и РТ

Отъезд в трудовую миграцию делает невозможным активное и интенсивное участие в жизни семьи и других родственников, в жизни сообщества на родине. Некоторые респондентки это ограничение воспринимали как особенно тяжелое для них: *«У7: Я не видела похороны мамы. Из-за вынужденной работы в миграции. У1: Мы тоже не видели похороны отца».* (Гиссар +Яван жен мигрант).

ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ МИГРАНТОВ. ТРАНСФОРМАЦИИ ДОВЕРИЯ В МИГРАЦИОННЫХ СЕТЯХ

Одна респондентка из РТ считает, что в ситуации нарушения прав трудовых мигрантов представители государственной власти и гражданские активисты могут оказать действенную помощь, но у мигрантов не хватает информации об этих адресах. *«Тут есть одно место, как Посольство. Идешь туда, там работают наши представители. Одного из них звали К* Ш*, я ходила туда. Я оформляла свои документы там, у К* Ш*. У моего сына было хорошее знание. Его приняли туда со второго курса, на врача. После 4 месяцев учёбы моего сына депортировали, студента депортировали. Я очень измучилась там. Мы оплатили, большую сумму денег за обучение. Знакомые дали номер К* Ш*. Я почему говорю о том, что каждый должен знать свои права, я два раза заходила к этому человеку. Мне предоставили юриста и адвоката, и я аннулировала депортацию своего сына. Он теперь там учиться. Есть много неграмотных соотечественников. Не надо сидеть, сложа руки после депортации, надо бороться за свои права. В Посольстве Таджикистана в России могут нам помочь. Наши таджики не знают о таких местах».* (ФГД_Пенджикент_жен_запрет).

Среди кыргызстанских респондентов не было даже единичных заявлений о том, что государственные структуры или неправительственные организации и гражданские активисты оказывали помощь по защите нарушенных прав, более того, не было ни одного респондента, кто бы позитивно оценил деятельность посольств, консульств или диаспор.

Одно из важных заключений, которые можно сделать, изучая установки на этнические связи как источник социального капитала, это то, что они преимущественно негативного свойства, «свои» этнические группы зачастую не удостоиваются доверия. В то же время установлено, что обращение к этническим сетям в странах назначения – устойчивая модель поведения вновь прибывших мигрантов. Сомнение в добросовестности помощи земляков не предотвращает такого обраще-

ния. Возможно, каждый вновь прибывший мигрант надеется на везение в его конкретном случае и, кроме того, приехав без запаса денег, без знания процедур и правил получения регистрации⁶⁰ в ограниченный нормативами временной промежуток, мигрант не имеет гарантированной альтернативы. То есть в ситуации неопределенности, неподконтрольности и небезопасности, обращение к сетям с низким доверительным потенциалом представляется рациональным, поскольку позволяет хотя бы стабилизировать традиционные социальные отношения в этнической среде миграции.

Гендерные аспекты (не)доверия и этнических сетей

Конструируемые сети могут быть и не столь сильными и близкими, существование кыргызских кафе, например, делает группы «своих» максимально широкими, а потому связи не имеют силы давления, как родственные сети на родине. Например, одна из взрослых респонденток сетовала, что в миграции, в больших городах России нет возможности воздействовать на поведение молодых женщин и девушек, они не следуют нормам традиционной морали и не прислушиваются к советам старших: *«Уж очень много стало кыргызских кафе (принадлежащих кыргызам), молодые девушки разодетые все время там сидят с мужчинами, отдыхают. Хоть каждый день будешь ходить – их каждый день там и увидишь».* **ФГД Жалал-Абад, женщины и девочки, которые находились в миграции вместе с мужьями \ родственниками, но не работали.** В то же время три-пять лет назад этнические группы мужчин в миграции превращали «слабые» связи землячества в сильные отношения этнического контроля, власти и насилия в отношении женщин,⁶¹ о чем говорят и наши респондентки: *«Некоторые парни девушек обманывают. Просят взаймы 2-3 тысячи и не отдают. Обещают жениться, гуляют и потом женятся на других. А представители других наций по-другому к девушкам относятся. Они водят девушек по кафе, дарят девушкам нашим подарки, которые им по душе. Поэтому наши парни их не любят. Случай был такой, когда я там работала. Одна девушка работала, и пошла с азером (азербайджанцем) в кафе у кыргызов. Наши там заревновали девушку, побили азера, девушку изнасиловали, говорили ей «Тебе што, кыргызов не хватает, почему с другими нациями гуляешь?». Потом они азера убили, их всех посадили. А другие ходили и угрожали – мы ее найдем и убьем, скольких она земляков посадила. А если подумать – наши парни сами же и виноваты».* **ФГД Жалал-Абад, одинокие женщины и девочки, которые находились в миграции и работали.**

В каждой ФГД обязательно были люди, которые заявляли, что миграция радикально меняет традиционные сети отношений кыргызов или таджиков, и что «там» надеяться на кого-либо нельзя, что только сам мигрант в ответе за себя, и ему не следует ожидать, что родные или знакомые придут на помощь в трудной ситуации.

Опыт в мобилизации социального капитала таджикских и кыргызских трудовых мигранток

Таджикские и кыргызские респондентки, преимущественно выходцы из сельской местности, в подавляющем большинстве мечтали в миграции о Своем Доме. В длительной или сезонной трудовой миграции они зарабатывали на покупку участка земли, на строительство своего дома, каждый день приближаясь к своей цели. Других целей, помимо реализации практических гендерных нужд, таджикские женщины не озвучивали, хотя их достижение, по представлениям респонденток, позволило бы им заслужить и общественное поощрение. Как сказала женщина **Бохтарск.фгд – один. жен, работали в мигр.:** *«У меня тогда репутация будет хорошая».*

Иногда женщины говорили, что сами будут руководить строительством дома на родине. Но там, где женщины имели мужчин – близких родственников (отца или брата), по умолчанию они доверяли заработанные деньги им в управление по строительству своего дома. Респондентки рассказывали, как важно будет по приезду стать частью сообщества, и были готовы по мере сил «инвестировать» в социальные сети. Женщины говорили о вызовах реинтеграции, о том, что к возвращающимся мигрантам все относятся, как к разбогатевшим людям: *«Если я пойду в аптеку, мне продавать будут любое лекарство в три раза дороже, а в школе учителя на школьные сборы потребуют сумму гораз-*

60 И других документов – для граждан РТ

61 Ibraeva G., Moldosheva A., Ablezova M. «We will kill you and we will be acquitted!» – critical discourse analysis of a media case of violence against female migrants from Kyrgyzstan. \ Kruessmann, Thomas, (editor) Women in Modern Central Asia Zurich : Lit Verlag, 2015.

до большую, чем сдают все другие». Большинство респонденток затруднились привести примеры успешной миграции женщин.

Среди кыргызских респонденток можно отметить диверсификацию установок на социальные сети: а) одна категория респондентов стремилась максимально благоустроить сельскую жизнь своей семьи. Эти респондентки признавались, что вернуться к прежнему неустроенному быту будет очень сложно, и хотели решить мигрантскими доходами вопросы доступа к ключевым инфраструктурам санитарии, воды, благоустроенному жилищу. Респондентки из этой категории подчеркивали важность и затратность восстановления членства в сообществе, но твердо верили в успех. 2) другая категория респондентов была настроена критически на идею воспроизводства членства в социальных сетях, и в целом «пересматривали» традиционные ценности. Так, в одном из ФГД южной столицы прозвучали критические оценки, что родные и близкие на родине не могут понять тяготы миграции, что они расточительны в расходовании тяжело зарабатываемых средств. Несколько респонденток признались об отчуждении, эмоциональном остывании даже к собственным родителям, не говоря уже о дальних родственниках (Ош, Бишкек, Чуйская область). Почти треть респонденток в кыргызских ФГД говорили о своем нежелании вернуться в родное село. Символом успеха в их среде они признавали возможность покупки квартиры и переезда в город (Ош, Жалал-Абад или Бишкек). Респонденты из кыргызских ФГД чаще говорили о том, что не хотели бы поддерживать традиционные социальные связи, которые считают обременительными и не продуктивными. Как сказала одна из респонденток в Бишкеке (переехавшая после миграции в Бишкек, ранее проживавшая в Оше): *«Мы даже не ходим на шерине родственников. Это бессмысленно».*

Примечателен случай: женщина из Чуйской области несколько лет строила большой Дом в родном селе, о котором мечтала много лет. Но, вернувшись, поняла, что она не хочет жить там. Причины здесь комплексные: она хотела быть поближе к центральным провайдером услуг – *«В Бишкеке удобнее жить: к любому врачу сходить можно, дети учатся в университете – им надо жилье здесь. Не знаю, зачем я в селе дом построила. Теперь я его даже и продать за ту цену не смогу».*

ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение положения, уязвимостей и потребностей женщин и девочек в Кыргызстане и Таджикистане, затронутых миграцией, позволило сделать следующие выводы:

ВЫВОДЫ ОБ АКТУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ В РТ И КР, ВЛИЯЮЩЕМ НА ИХ МИГРАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И ПОТРЕБНОСТИ

1. Документирование детей и женщин является компонентом регулирующей инфраструктуры миграции, которая обеспечивает стартовые условия (не)равенства, становится фактором многоуровневого неравенства (по полу, по социальному классу, по гражданству и этничности).
2. В РТ и КР ситуация и уровни уязвимости девочек и женщин в вопросах документирования различаются, также как различается и субъективное восприятие проблем документирования среди самих женщин: так, в Таджикистане респонденты исследования приоритизируют проблемы с получением свидетельств о рождении и паспортов, в то время как в Кыргызстане женщины больше отмечают проблемы с государственной регистрацией брака.
3. Барьером к документированию гражданского статуса молодых девушек и женщин Таджикистана служат не только общие проблемы высокой стоимости услуг по оформлению паспорта, бюрократическая волокита, но и наличие гендерных предпочтений семьи в документировании в пользу сыновей ввиду ограниченных финансовых возможностей и соображений интересов семьи, а также доминирование культурных стереотипов, что оформление документов для ребенка и женщины является прерогативой мужчины в семье. Уязвимые категории женщин и девушек Таджикистана в вопросах документации – это девушки, не окончившие полную среднюю школу, сироты или социальные сироты, оставшиеся на попечении родственников, девушки, вступившие в ранние браки, молодые женщины – выходцы из соседних стран, вышедшие замуж за граждан РТ «приграничные» жены. Также уязвимыми часто оказываются дети, рожденные на дому.
4. Несмотря на то, что процедуры получения свидетельства о рождении и паспорта гражданина КР оцениваются как наиболее упрощенные на постсоветском пространстве, ограниченный доступ к документированию в Кыргызстане имеют: выросшие дети предыдущего поколения трудовых мигрантов, родители которых по разным причинам не оформили свидетельств о рождении \ не помогли получить паспортов; женщины, вышедшие замуж за граждан КР, но не оформившие своевременно смены гражданства (так называемые приграничные жены), дети нынешних трудовых мигрантов, живущие только со справкой о регистрации рождения в родильном доме.
5. К трендам изменений в документировании можно отнести свидетельства респондентов, о том, что в таджикских семьях с недавних пор появилась «мода» на семейную миграцию, что означает сокращение доли недокументированных женщин.
6. Для женщин и девушек в Кыргызстане вопросы государственной регистрации брака воспринимаются как наиболее важные под влиянием публичного дискурса о бесправии женщин и детей в незарегистрированном браке в случаях развода.
7. Некоторые респондентки из КР, которые получили гражданство России, воспринимают отсутствие государственной регистрации брака как некоторое преимущество в России: они утверждают, что статус матери одиночки дает льготный доступ детей в ДОО и является основанием для большего размера пособия на ребенка.
8. Трудовая миграция из РТ и КР влияет на изменение моделей института семьи и брачных отношений:
 - a. Традиционный брачный рынок расширяется для трудовых мигранток, особенно для кыргызстанок.
 - b. появляются новые для кыргызстанцев и таджикстанцев формы брака: «временные \ гостевые», «мезальянсы», фиктивные; новые формы семейно-брачных отношений – дистантные, транснациональные семьи, брошенные семьи (жены и дети). Широкое распространение получили такие формы брака и семьи как ранние браки, многоженство, более распространенными становятся браки между представителями разных регионов страны, растет и количество межэтнических браков.

- с. в восприятии респондентов и в отражении медиа дискурса растет уровень насилия в семьях и в мигрантской среде, где чаще всего объектом насилия становится женщина. растет доля социальных сирот – детей трудовых мигрантов и формируется поколение эмоционально отчужденных семей.
9. Физическое, экономическое, психологическое и символическое насилие, трудовая эксплуатация характерны для жизни сельских невесток в Таджикистане, остающихся на родине с родственниками уехавшего в трудовую миграцию мужа. Однако повсеместно увеличивается доля «новых уязвимых» категорий женщин: матерей трудовых мигрантов, которые испытывают прессинг трудовой нагрузки и экономического бремени из-за принятия на себя заботы о внуках (детей трудовых мигрантов).

ВЫВОДЫ ОБ УЯЗВИМОСТИ И ПОТРЕБНОСТЯХ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК, ЗАТРОНУТЫХ МИГРАЦИЕЙ

Подготовка к миграции, мотивация и отъезд

- а) Возраст и семейный статус являются критериями для легитимации или стигматизации трудовой миграции женщин. Культурно признана трудовая миграция вдовых, разведенных женщин среднего и старшего возрастов, в то время как миграция молодых женщин и девушек вне семейного сопровождения не приветствуется и в отдельных регионах может стать основанием жесткой стигмы.
- б) Конъюнктура спроса и предложения на рынках труда основных стран назначения трудовой миграции является ключевым компонентом инфраструктур миграции. Рост спроса на домашних работников, на труд в сфере услуг, швейной промышленности или в сельском хозяйстве в РФ, РК, способствует росту женской миграции из РТ и КР, а также и трудовой миграции девочек.
- с) Спонтанность миграционного поведения женщин и девочек и ограниченная информированность по вопросам трудовой миграции, обуславливают риски дискриминации и насилия в миграции, финансовые и репутационные издержки, риски здоровья, в том числе оставшихся на родине членов семей – детей.
- д) Семейная поддержка в организации ухода и заботы за детьми трудовых мигрантов является важнейшим компонентом инфраструктур миграции.
- е) Миграционные стратегии женщин и девушек, в частности, выбор страны назначения или конкретного пункта назначения миграции во многом зависит от сложившихся в жизни социальных связей.
- ф) Существующие официальные каналы информации о режимах пребывания трудовых мигрантов в стране назначения, включая вопросы трудоустройства и поиска жилья, как правило не входят в «радиус доверия», и прибывшие в трудовую миграцию женщины и девушки в основном руководствуются слухами и ограниченной информацией от родных и знакомых, имеющих опыт миграции.
- г) Респонденты – женщины с личным опытом миграции или члены семей трудовых мигрантов, оставшиеся на родине в обеих странах, не информированы об услугах проектов и программ предотъездной подготовки, не знают, какие стейкхолдеры могут оказывать такие услуги.
- h) Семейные обязанности, роли и потребности остающихся на родине членов семей мигрантов – женщин и девочек, подлежат кардинальной перестройке. Однако, труд и потребности остающихся на родине членов семьи мигрантов остаются невидимыми.
- и) В результате миграции родственников, члены их семей, оставшиеся на родине, сталкиваются с множественными лишениями. В списках лишений женщин и детей – ограниченная продовольственная безопасность (особенно в так называемых «брошенных» семьях), ограничения в доступе к образованию детей, увеличение трудовой нагрузки, эмоциональное отчуждение родителей и детей, социальное исключение.

Жизнь в миграции

- а) Де-юре режим пребывания кыргызстанцев в трудовой миграции в России и Казахстане существенно различается, поскольку после вступления страны в ЕАЭС трудовые мигранты из КР пользуются преимуществами в документировании статуса, а Таджикистана все еще находятся под прессингом жестких требований миграционного законодательства. Но режимы труда и жизни мигрантов зависят не только от законодательства, но и от «скрытых» установок некоторых представителей власти, регулирующих миграцию.

- b) Важным отличием жизни в миграции трудовых мигрантов женщин является индивидуальный характер занятости в отличие от групповой \ бригадной занятости мужчин – трудовых мигрантов. Этот факт играет решающую роль в вопросах защиты прав трудового мигранта, поскольку группе \ бригаде мужчин легче бороться против нарушений их прав человека.
- c) Уязвимость женщин из РТ и КР в миграции разная: таджикские женщины в миграции преимущественно следуют стратегии «быть домохозяйкой, облегчая быт мужу – мигранту», в то время как женщины – мигрантки из КР настроены в большинстве на активную автономную трудовую деятельность.
- d) Жилье для мигрантов – наиболее неблагоприятная и нелояльная к семейной миграции инфраструктура, по этой причине для многих трудовых мигранток характерно изменение концептуального отношения к понятию «Дом».
- e) Социальный капитал для трудовых мигрантов – девушек и женщин из КР и РТ воспроизводится через ожидание поддержки от «своих» этнических, прежде всего, групп, влияющее на поведение трудового мигранта, и укрепление групповых норм и ценностей; а также через получение привилегированного доступа к информации и другим ресурсам социальной (этнической) сети.
- f) Основные аспекты изменений в традиционных связях охватывают: сужение «радиуса доверия», что особенно касается этнических групп, но иногда даже и членов семьи; «обострение» недоверия в отношении девушек и женщин – трудовых мигранток, ввиду уменьшения возможностей контроля за их поведением в миграции; проявление большего недоверия к частным работодателям, нежели к представителям государственных структур.
- g) Правозащитные организации зачастую не дезагрегируют по полу статистику обращений, и потому объективно судить о гендерной специфике в информированности по вопросам защиты прав мигрантов не представляется возможным.

Возвращение и реинтеграция

- a) Даже в условиях нелояльности интеграционной политики государства расширенный брачный рынок может «удержать» и адаптировать женщин – трудовых мигрантов или способствовать дальнейшему циклу их мобильности.
- b) Задачи реинтеграции трудовых мигрантов по возвращению на родине исходит из представления, что до миграции гражданин был интегрирован в сообщество. В случаях женщин – трудовых мигрантов из числа разведенных, вдовых, из бедных семей такое предположение заведомо вызывает сомнения.
- c) Стигматизация женщин и девушек, побывавших в миграции, выше в сельских регионах по сравнению с городскими, в таджикском обществе по сравнению с кыргызстанским, в ряде регионов по сравнению с другими регионами.
- d) Стигматизация женщин, вернувшихся из трудовой миграции, существенно осложняет возможность реинтеграции женщин в родное сообщество. В Кыргызстане в случаях «успешной» миграции возвращающиеся, особенно женщины и девушки, стараются вернуться не в свое родное сообщество, но в городскую среду. Поэтому на повестку дня должен ставиться вопрос не реинтеграции, но интеграции уже внутренних мигрантов.
- e) Возврат женщин – трудовых мигрантов и молодых мигрантов обоих полов может вызывать объективные сложности во взаимодействии с традиционными сетями и родным сообществом в целом. Причиной здесь может быть изменение ценностей и предпочтений, образа жизни, а, главное, получение опыта эмповермента.
- f) Успешность реинтеграции трудовых мигрантов прямо пропорциональна объемам «инвестиций» в социальные сети, в сообщества и обратно пропорциональна степени эмповермента (расширения властных полномочий). Трудовые мигрантки вынуждены вкладываться и восстанавливать свое членство в традиционных форматах солидарной организации
- g) Эффективность интеграционной политики стран приема и реинтеграционный успех трудового мигранта – женщины и мужчины – на родине зависит от функционального вовлечения их в четыре основные сферы общества – занятость, систему социальной защиты, жилищную сферу и образование.

РЕКОМЕНДАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из ключевых направлений работы государства и гражданского общества должна стать поддержка остающихся на родине девочек и женщин из КР и РТ, членов семей трудовых мигрантов.

- А именно, с целевой группой детей трудовых мигрантов оставшихся на родине важно проводить обучение навыкам коммуникации и предоставлять психологическую поддержку для преодоления эмоциональной депривации, организовывать группы самопомощи на базе молодежных клубов, ОМСУ, и школ.
- Для родителей и других лиц, осуществляющих опеку за детьми трудовых мигрантов, необходимо организовать сервисные услуги по навыкам воспитания, обучению культуре ненасилия, преодоления эмоциональной депривации. Также важно осуществлять обучение этих целевых групп навыкам продовольственной безопасности и предоставлять гуманитарную помощь в случаях крайней бедности.
- Для жен трудовых мигрантов, потерявших связь и поддержку мужей (брошенных жен) важно проводить обучение правам человека, проводить адвокационные мероприятия по защите прав женщин, в том числе на собственность, предлагать программы по доходоприносящей деятельности. Такие группы женщин должны получать техническую поддержку для социальной мобилизации и продвижению социального предпринимательства в партнерских-солидарных группах.
- Государство, гражданское общество и СМИ должны всемерно активизировать общественный диалог о значимости женского вклада в развитие, о важности признания успехов женщин трудовых мигрантов. Данные мероприятия должны быть направлены на empowerment женщин – трудовых мигрантов и поддержку их реинтеграции в сообщество.
- Для повышения эффективности миграционной политики стран отправки трудовых мигрантов в части защиты прав мигрантов, государствам важно проводить целенаправленную и комплексную коммуникационно-информационную деятельность. В рамках такой деятельности должна широко распространяться информация (для потенциальных трудовых мигрантов) об инфраструктурах защиты прав и режимах пребывания в основных странах назначения.
- Целесообразно поддерживать транснациональные правозащитные проекты по защите прав трудовых мигрантов через границы национальных государств (стран отправки и стран приема). Работа по защите прав трудовых мигрантов преимущественно должна проводиться в формате совместного кейс-менеджмента с обеспечением широкого медиа сопровождения.
- Целесообразно внедрение гендерно-чувствительного подхода в деятельность правозащитных организаций по защите прав трудовых мигрантов – женщин, включая сбор и анализ гендерно-дезагрегированных данных.